

Оставление Москвы

Историография и мифотворчество практически во всех сюжетах идут рука об руку. Барклай «дал ход» описаниям и оценке кавалерийского рейда. Это можно трактовать как следствие наличия плана сражения, а результат не очень выдающийся объяснялся характерной для Кутузова «вялостью» действий¹. Беннигсен критиковал Кутузова за неправильное размещение войск, которое привело к почти разгрому, а Барклай считал, что ситуация была исправлена в основном его умелыми распоряжениями². Контрверсию создал К. Ф. Толь в «описании битвы при селе Бородине 24 и 26 августа». Он даже с нарушением логики старался оградить Кутузова от нареканий по поводу недостаточного внимания к левому флангу позиции. Толь, будучи генерал-квартирмейстером, чувствовал личную ответственность за то, что перегруппировка частей явно запоздала. Версия Толя оказалась достоянием широкой читательской аудитории в двухтомной книге Д. П. Бутурлина «История нашествия Императора Наполеона на Россию в 1812 году», вышедшей на французском языке в 1822 году, а на русском в 1823—1824 гг. Это был гимн Кутузову. Автор отрицал существование «скифского» плана, объяснял решение принять бой желанием использовать «драгоценное чувство восторга, которое прибытие нового Главнокомандующего воспламенило во всех сердцах», а также намерением нанести противнику сильный удар, после которого тот окажется не в состоянии

¹ *Ивченко Л. Л.* Бородинское сражение... С. 77.

² Там же. С. 81.

восполнить понесенные потери³. Тем самым Бутурлин подчеркивал стратегическую прозорливость Кутузова. Ответом критикам, указывавшим на его ошибки на Бородинском поле, стали указания на масштабные фортификационные работы, проведенные по его указаниям, что не совсем соответствовало действительности. Труд Бутурлина был переиздан в 1837 году к 25-летию войны, но обстановка требовала более сильных аргументов в пользу того, что Бородино — победа русской армии. К тому времени за границей было опубликовано несколько работ (Г. В. Жомини, К. Клаузевиц, Ж.-Ж. Пеле, Н. А. Окунев), «смущавших» российских читателей аргументированной критикой русской версии событий⁴. В 1839 году накануне «бородинских» торжеств отдельной брошюрой на немецком, французском и русском языке была переиздана работа К. Ф. Толя. Эта публикация, по всей видимости, была ориентирована на участников празднования⁵. На прославление полководческих достоинств М. И. Кутузова и на затушевывание его ошибок «работали» три авторитетнейших историка, осененных славой непосредственных участников событий. Д. П. Бутурлин служил подпоручиком квартирмейстерской части и опирался на материалы К. Ф. Толя, полковника, генерал-квартирмейстера Главного штаба. А. И. Михайловский-Данилевский был 26 августа 1812 года прапорщиком, адъютантом главнокомандующего. В своем четырехтомном «Описании Отечественной войны 1812 года», принесшем ему титул «русского Гомера», он создал самое объемное и самое подробное изображение Бородинского сражения. Очень важным обстоятельством является то, что в этом труде, в отличие от предшественников, очень широко использовались мемуары, в том числе и написанные по его просьбе⁶.

Пока было живо поколение участников, особенно тех, кто имел реальную возможность влиять на ход сражения, неприятие тех или иных историографических конструкций объяснялось

³ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823–1824.

⁴ Ивченко Л. Л. Бородинское сражение... С. 99.

⁵ Сапожников А. И. Бородинский футляр «из библиотеки генерала Ф. Ф. Шуберта» // Бородино и Наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы / Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 77.

⁶ Ивченко Л. Л. Бородинское сражение.... С. 101.

личным отношением (обидой) к оценке того или иного эпизода. Так генералы Д. В. Голицын 5-й, «забытый» при составлении наградных списков, А. И. Остерман-Толстой и М. С. Воронцов, имевшие иной взгляд на действия на левом фланге, отказали Михайловскому-Данилевскому в представлении своих воспоминаний, несмотря на то, что последний работал по поручению самого императора⁷. В дальнейшем личные мотивы сменились политическими и идеологическими, склонностью к конформизму или, наоборот, к критике общего мнения.

По нашему мнению, в «оправданиях» Барклая в дореволюционный период главную роль играло не стремление к «исторической справедливости», а желание умалить заслуги Кутузова и тем самым подготовить почву для возвеличивания Александра I. Этот конъюнктурный интерес трудно не заметить⁸.

В ряде случаев историческая правда оказывалась сильнее идеологических установок. Все современники, трезво смотревшие на вещи, невысоко оценивали боеспособность ополчений. Известно, что перед Бородинским боем Кутузов приказал раскассировать даже регулярные полки, составленные из рекрутов, распределяя вооруженных, обученных, но необстрелянных солдат между бывалыми нижними чинами. Ратники же практически ратному делу не обучались, свиста пуль не слышали, а их вооружение было скорее символическим, чем действенным. Лучшим применением их являлись разного рода строительные работы (возведение укреплений и мостов, прокладка дорог). Упоминание о низкой боеспособности ополчений диссонировало с тезисом о «народной войне», и его старались избегать или сопровождать разного рода «смягчающими» фразами. Автор очерков «Великая Отечественная война» Ш-ть без обиняков писал о том, что ратники годились только для земляных работ⁹.

И в историографии, и в коллективном историческом сознании в этих конструкциях отсутствует элемент, который заслуживает названия «военные социокультурные реалии». Так в споре о причинах печального результата русского похода Наполеона «не допускается» тезиса об имманентной склонности вооруженных сил к разложению. Мимоходом упоминаются проявления этого

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Кока Г. Пушкин и полководцы двенадцатого года // Прометей. М., 1969. № 7. С. 25.

⁹ Русское знамя. 1912. 3 августа. № 175.

(мародерство, падение дисциплины, дезертирство и т. д.). Внимание исследователей фокусируется на вторичных моментах — ошибках командующих, объективных трудностях снабжения, проблемах коммуникаций, неблагоприятных климатических условиях и т. д. Можно предположить, что «дружный» отказ историков рассматривать эту внутреннюю слабость вооруженных сил объясняется тем, что внимание к таковой противоречит их главным установкам, низводит последние в разряд второстепенных. Особенно несимпатичным является тезис о саморазрушении французской армии для тех, кто пристально высматривает в каждом слове и жесте попытку бросить «антипатриотическую» тень на героев двенадцатого года. Регулярная армия представляет собой сложную искусственную конструкцию, создание, содержание и восстановление которой даже в мирное время требует огромных административных и материальных ресурсов. В военное время особое значение для поддержания боеспособности вооруженных сил приобретает моральный фактор, поскольку управление воинскими частями в походе и в бою исключительно на основе дисциплины оказывается невозможным из-за ограниченных возможностей этого инструмента. Векторы мотивации военнослужащих должны совпадать с видами командования, солдаты и офицеры должны рассматривать победу как личное дело, а свой полк — как малую родину. Следует помнить, что военную практику не зря называют «ратным трудом»: в походах, при устройстве лагерей и укреплений, даже зачастую при организации ночлега и приготовления пищи солдатам приходится выполнять изнурительную физическую работу, нередко в плохих погодных условиях. Если солдат видел смысл в этих действиях, он безропотно выполнял приказы. Но история войн разных эпох свидетельствует о том, что передвижения или, наоборот, «сидения», казавшиеся комбатантам бессмысленными, приводили к резкому падению боеспособности войск. Идеальным вариантом в этом смысле являются кампании, в которых нет большого перерыва между боями, позволяющими без особых усилий со стороны командования поддерживать войска в нужном «тоне». Самыми губительными для армии являются длительные паузы в боевых действиях, состояния «ни мира, ни войны».

В свете вышесказанного сама хронология кампании 1812 года обрекала «двунадесят языкков» на поражение. После Бородино и особенно после вступления в Москву осмысленным действием оказывалось только отступление, причем отступление не стра-

тегическое (оставляющее надежду на будущее наступление), а отступление, фактически являющееся бегством в расчете на спасение. В вооруженных силах дисциплина подкрепляется организованным обеспечением солдата всем необходимым (боеприпасы, провиант, кров, лечение и пр.). Существует прямая связь между качеством снабжения и подчинением в системе военной иерархии: снижение первого влечет за собой падение второго. Не случайно мародерство в уставах регулярных армий называется одним из самых тяжких преступлений. Наполеоновская армия была обречена уже потому, что все усилия по организации тыла (самые интенсивные и самые умелые к тому времени) оказались недостаточны для снабжения войск даже в период наступления. Движение же от Малоярославца к Смоленску и Вильне показало, что острая нехватка провианта разрушает войска как организованную силу. К этому следует добавить фактор численности: неустойчивость армии как системы пропорциональна квадрату, кубу или иной степени ее величины. Даже сотысячное соединение является своеобразной «критической массой», грозящей развалом при недостаточных центростремительных усилиях командования. Наполеон Бонапарт двинул в поход военную машину, которая должна была разрушиться под собственной тяжестью.

Одной из заметных линий как в историографии, так и в коллективном историческом сознании была идея «скифской войны». Во-первых, автоматически снимался вопрос о военной инициативе Наполеона: великий полководец шел туда, куда его «заманивал» противник. Во-вторых, отступление из маневра, сомнительного по части сохранения воинской доблести, превращалось в целенаправленное волевое действие. Подтверждением целесообразности такой стратегии являлась гибель наполеоновской армии. В-третьих, признание существования «скифского» плана подкрепляло тезис об особой роли народных масс, дополнительно героизировало партизан. Привлекательность этому варианту придавало и то, что россиянам было лестно считать себя потомками скифов, с такой симпатией описанных античными авторами. Устанавливалась связь (трудно сказать, насколько осознанная) с древним миром, традиционным источником положительных и отрицательных примеров. Можно здесь разглядеть и намек на фантастическую глубину корней жертвенности России. В 1870-е годы смоленский помещик Энгельгардт так реагировал на известие о триумфальном шествии прусских войск во

время франко-германской войны 1870 года: «Все сожжем, побросаем в колодець, железо вынем и т. п.». Реакция Энгельгардта-читателя на существование «скифского» плана вполне предсказуема. Восторг россиян по поводу знаменитой поэмы Александра Блока — еще один веский довод в пользу привлекательности «скифской идеи».

О том, что идея «скифской войны» была созвучна широкому кругу россиян, свидетельствует опубликованное в «Русском знамени» стихотворение Михаила Румянцева «Сто лет назад»:

*Собралась деревня... Галдят мужики:
«Как быть, православные, наши полки
Уходят... и нам не пристало здесь ждать,
Не хлебом же с солью французов встречать!
Избави нас Боже! Повадки такой
Вовек не водилось на Руси святой,
Не так-то податлива наша земля:
Недаром костями белеют поля!*

*Оружия нету, так встретим дубьем,
Деревню покинем, в лесу проживем...
Ну, с Богом, родные, добро забирай,
Что взять не под силу — в землю зарывай...
А как же с деревней? Ужли оставлять
Нам, братцы, квартиры для ихних солдат?
Сожжем! Все на ветер! Не им и не нам!
Ни хлеба, ни крова не будет врагам!»¹⁰*

«Скифские мотивы» звучат и в других стихотворениях, написанных по случаю юбилея. Если о художественных достоинствах этих произведений лучше деликатно промолчать, то в чувстве им отказать трудно. Одно из таких сочинений принадлежит В. Гиляровскому:

*Вступил победитель в пустую столицу,
В пустые палаты Кремля.
Он издали видел возов вереницу,
Он голые видел поля...*

¹⁰ Русское знамя. 1912. 21 августа. № 188.

*Москва без народа! Пустые амбары,
Шумливые стаи ворон,
А ночью кругом над столицей пожары
Со всех запылали сторон.
Он жаждал почета и встретил пустыню.
Развалины — грустный трофей!
Он в злобе бессильной позорил святыню
Старинных кремлевских церквей.
Бежал победитель-герой за заставу
В далекий Петровский дворец,
И пламя пожаров сожгло его славу,
Москва этой славы конец!
С разбитой надеждою, в огненном море
Бежал он по трупам солдат,
Погибших под снегом... в холодном просторе
Они на чужбине лежат.
Так в жадной погоне за призрачной славой
Надломлен был гений войны,
Дерзнувший дойти до Москвы златоглавой,
До сердца великой страны¹¹.*

«Скифская идея» переплеталась с символами жертвенности и очищения огнем. В уже упоминавшейся «Речи, сказанной высокопреосвященству митрополиту Московскому и Коломенскому, в присутствии московского губернатора В. Ф. Джунковского, градоначальника А. А. Адрианова и городского головы Н. И. Гучкова при освящении музея-часовни на месте военного совета, бывшего под стенами Москвы в 1812 году сентября 1 дня» присутствовавшие на церемонии слышали: «Присутствуя здесь, мы вспоминаем, как лилась кровь защитников Отечества под стенами Смоленска, как от громов смертных трепетали поля Бородинские, как западные полчища, бряцая саблями и громыхая орудиями, подходили к Москве и как наши предки собственными руками зажгли свою столицу, и она, дымясь, воспламенилась, как огненное море, а сами удалились в леса и говорили: „еще далеко до победы“»¹². Следует заметить, что ни мемуаристы, ни историки (как специалисты, так и авторы популярных изданий)

¹¹ Гиляровский Вл. Двенадцатый год // Московский листок. 1912. 19 августа. № 190.

¹² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 151. Л. 11.

не сочли нужным объяснить: почему после уничтожения «собственного добра собственными руками» французы нашли что грабить и вышли из Москвы, обремененные добычей.

Общеизвестно, что в коллективной российской исторической памяти московский пожар 1612 года — символ очищения и одоления Смуты. Очищенная огнем новая Москва приняла новую династию. Уже по одной этой причине для торжества всякого рода конструкций с монархическим и патриотическим наполнением внимание к сожжению Белокаменной становится практически неизбежным. Несмотря на эпический характер сражения при Бородино, у современников и у потомков сложилось впечатление, что Москва была сдана без боя. Здесь не выручило даже то, что битва произошла практически в предместьях и за несколько дней до вступления первых частей наполеоновской армии в опустевший город. Известно сравнение столицы, взятой неприятелем, с обещенной женщиной — восстановить репутацию не представлялось возможным. Но в драмах прописан один выход из такого трагического положения — гибель, причем аудитория готова даже простить самоубийство, обычно осуждаемое как большой грех. Отсюда, по нашему мнению, стойкость тезиса о том, что москвичи сами сознательно уничтожили город, несмотря на отсутствие веских доказательств в пользу этого. Пожар — форма сопротивления, героизировавшая уничтожение столицы. Такая схема поднимала статус Москвы после 1812 года. Вторжение огромной наполеоновской армии «переплывало» в коллективном сознании россиян исторический опыт татарского нашествия, память о котором в течение нескольких веков «освежало» противостояние с Крымском ханством, а также Смута начала XVII столетия, когда иностранцы хозяйничали в Москве.

Возвышение Москвы в сознании россиян во многом объяснялось тем, что ее гибель в огне воспринималась как очистительная жертва во спасение России и даже всей Европы, что ясно видно из рескрипта Александра I Ростопчину от 11 ноября 1812 года: «Хотя великолепную столицу нашу пожрал ненасытный огонь, но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и нашу славу. В нем сгорело чудовищное намерение всесветного обладания, приключившее толико бедствий всему роду человеческому и приготавлившее столько же зол предбудущим родам». Московский викарий Августин в обращении к жителям города писал: «Домы ваши обращены в пепел; но под сим пеплом угасла навеки слава ненавистного завоевателя. Расхищены и истреблены

сокровища ваши; но ценой погибших сокровищ вы искупили свободу не только всей России, но и целой Европы. Разрушены великолепные здания, украшавшие град сей; но падением своим они сокрушили страшное могущество Наполеона»¹³.

Москва в катастрофическом пожаре, расценивавшаяся в российском обществе как искупительная жертва, подвигнула жителей деревня Елисенки Дорогобужского уезда к представлению об уничтожении их домов как о заслуге перед Отечеством. В этом селе возле церкви стоял кирпичный памятник, надпись на котором гласила, что в 1812 году оно было дотла сожжено французами.

Пожар Москвы — интригующая и потому вечная тема. Практически все данные об этом колоссальном бедствии содержатся в записках современников — людей, писавших под воздействием эмоций, являвшихся заложниками слухов и «общих» взглядов на предмет. В то же время нет оснований полностью считать свидетелей тех событий сочинителями небылиц. В истории пожара, уничтожившего город, информация об этом событии теснейшим образом переплелась с тем, что составило впоследствии часть мифа о войне 1812 года и в целом российского исторического мифа.

Сначала о реалиях, которые к тому же подтверждаются данными свидетелей. В Москве имелись большие запасы для армии, которые нельзя было оставлять противнику, и по приказу командования склады были подожжены, что сразу привело к образованию нескольких очагов пожара. Трудно сомневаться в том, чтобы в многолюдном городе не нашлось людей, которые действовали по принципу — не доставайся же никому! Неловко также подозревать, что в Москве не нашлось людей, которые не поднесли факел к стене собственного дома из патриотических побуждений. Добавим, что здесь не требовались сотни и даже десятки. Для летней и еще ветреной погоды хватило нескольких единиц. Еще одним источником неконтролируемого пламени стало мародерство: известно, что пожар — лучшее место и время для хищения чужого имущества — в сутолоке, шуме и дыму трудно угледеть, куда тащат добро — подальше от огня или от хозяйских глаз. Грабежи неотделимы от вандализма — то, что им не под силу, не унести, грабители стараются повредить, чтобы не досталось другим, а огонь — лучшее средство разрушения. Здесь, конечно, сомнительная пальма первенства принадлежала французам. Но самая главная причина того, что Москву уничтожил

¹³ Московские ведомости. 1812 г. № 71–94. С. 1756.

огонь — то, что она обезлюдела. С. Н. Глинка писал об этом в своих мемуарах, напечатанных в 1836 году: «Москва сгорела и должна была сгореть... Кто жег Москву? Никто. Над нею и в ней ходил суд Божий... Тут нет ни русских, ни французов, тут огонь небесный... Москва, брошенная круглой сиротой, как на ратном распутье, Москва горела и сгорела... Трубы были вывезены; огни бивачные пылали по улицам: гасить их никто не подряжался»¹⁴. В этом пассаже современника Великой години мы видим удивительное сочетание вполне «божественной» причины катастрофы и причины вполне земной.

В Московском городском и общероссийском историческом мифе особое место занимают масштабные пожары 1612 и 1812 годов. Первый связывался с очищением от грехов, наказанием за которые стала Великая Смута, второй — с одолением Наполеона-антихриста, с торжеством русского оружия, с освободительной миссией России. В самих этих мифах ощутимы гул пламени и гарь гигантских исторических пожарищ. Огонь как средство очищения от скверны, гибель в огне как жертва во имя спасения России — все это оказало сильнейшее воздействие на оценку причин московского пожара 1812 года. Глинка писал, что город уничтожил «огнь небесный», но тут же упомянул про бивачные огни и отсутствие средств пожаротушений («трубы были вывезены»). Любой современный специалист по безопасности подтвердит, что даже город начала XXI века, оставленный жителями (оставшиеся — деморализованы), рискует погибнуть в пламени. Хорошо известно, что множество возгораний не становятся бедствиями только потому, что в месте их возникновения находится достаточное количество людей для того, чтобы вовремя заметить опасность и ликвидировать ее. В городе начала XIX столетия топились множество печей (на открытом огне варили-жарили, грели воду для мытья и стирки), горело великое множество свечей, разного рода масляных фонарей, теплились лампы перед иконами. Все эти языки и язычки пламени остались без присмотра, а когда они начинали лизать горючие предметы вокруг себя, некому было вылить кувшин воды на задымившийся ковер или затоптать уголек, вывалившийся из плиты. Так что выражение «От копеечной свечки Москва сгорела» вполне подходит к событиям 2–9 сентября 1812 года.

¹⁴ Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 78–82.

[*Михайловский-Данилевский А. И.*] *Записки неизвестного о сдаче Москвы // Военный сборник. 1910. № 12. С. 36–37*

Первого сентября рано поутру светлейший князь прибыл на Поклонную гору, откуда столица представилась со всеми своими прелестными окрестностями и бесчисленными колокольнями. Он сел, по своему обыкновению, на небольшую скамью; пехота, конница, артиллерия и ополчения медленно и в безмолвии тянулись по дороге, покрывали поля и выходили из лесов. Почетнейшие из генералов окружили главнокомандующего. Это была торжественная минута. Мы увидели здесь графа Раstopчина, который в первый раз приехал в армию. Многие из офицеров отыскивали позиции для сражения, потому что были еще в уверениях в скором времени встретиться с неприятелем и на некоторых возвышениях вдоль Поклонной горы начали рыть укрепления. Но по обозрении местного положения оказалось, что оно пересекаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дела воспрепятствовали бы переводить войска с одного места на другое, подкрепляя резервами ослабевшие отряды и употреблять конницу. Позиция простиралась на четыре версты, пространство сие было слишком велико для армии, обессиленной Бородинским днем; позади оной находилась столица и Москва-река, имеющая крутые берега. Таким образом, в случае неудачи армия была бы уничтожена и в невыгодном месте своего расположения, и во время переправы чрез Москву-реку, и при отступлении по пространнейшему городу в Европе. Однако же мысль пережить отдачу Москвы еще более была ужасна, хотя с отступлением от оной предвиделись великие выгоды, потому что приспевало время, в которое ежедневно должны были присоединиться к нам свежие войска. От разных соображений, колебавших генералов, начертывалась нерешимость на лицах, и они постигали важность последствий, которые должны были произойти от всякого предприятия, на каковое бы они ни покусились. Иногда столетия не перемещают порядка существующих вещей, а в другое время час решает участь отечества.

Ермолов А. П. Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 200

В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция? Почтительно отвечал я, что по од-

ному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначаемом для шестидесяти или более человек, но что весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности на нем удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: «Здоров ли ты?» Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостью возражение. Я сказал, что драться на нем он не будет или будет разбит непременно. Ни один из генералов не сказал своего мнения, хотя немногие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя.

Вюртембергский Е. Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о кампании 1812 года в России, служащая объяснительным дополнением ко многим вышедшим об этом предмете сочинениям // Военный журнал. 1848. № 3. С. 41–42

Мало-помалу равнина между горами и Москвою-рекою покрылась войсками, которые скоро без всякого порядка столпились на этом необширном пространстве. Барклай был недоволен размещением войск. Офицеры генерального штаба, разосланные на высоты, должны были отчетливо высмотреть там местность и стараться открыть какую-нибудь выгоднейшую позицию. Я с генералом Коновницыным присоединился к ним также. Мнение всех согласно было в одном пункте — в невозможности избрать место, которое обещало бы хотя малейшую выгоду для принятия на нем сражения.

С этим известием возвратился я к генералу Барклаю. Кутузов находился на небольшом возвышении на самой дороге; он сидел на скамейке, его окружал многочисленный генералитет. Сколько я мог заметить, между генералами господствовало несогласие во мнениях. Барклай, говоривший менее всех, полагал решительно, что здесь невозможно принять сражение и что потому должно или идти на неприятеля, или опять отступить. Кутузов молча слушал суждения генералов, его окружавших; нельзя было не заметить в нем душевного волнения. В самом деле, много требовалось решимости, чтобы, принимая на одного себя всю ответственность, уступить неприятелю древнюю столицу Империи, уступить вопреки мнению войска и народа, уступить после успешного, как полагали, боя, после отступления совер-

шенно добровольного, уступить, наконец, располагая еще войском, численная сила которого с казаками и ополчением простиралась, как утверждали, до 90 000 человек.

В эту решительную минуту в арьергарде вдруг раздался гром канонады, извещавший о приближении неприятеля. По мнению большей части высших начальников, дальнейшее отступление казалось несообразным с правилами самой чести: они полагали, что Москва должна была служить для русского воина тем же, чем могила для каждого смертного, за Москвой уже другой мир. Что касается до местности, которую занимало в это время войско, то она предсказывала поражение.

Еще в 1810 году, находясь по обязанностям службы в Вильне, я пользовался расположением Кутузова, который был тогда в этом краю военным губернатором. Очень помню слова его, которыми он высказал свое решительное намерение — отступить¹.

Ростопчин Ф. В. Записки Ф. В. Ростопчина о 1812 годе // Русская старина. 1889. № 12. С. 714–716

На другой день (1 сентября. — *Сост.*) я выехал из Москвы в 6 часов утра, чтобы повидаться с князем Кутузовым и посоветоваться с ним. Для меня важно было знать, что хочет делать этот человек, потому что в письмах своих он мне говорил лишь о том, что генерал Бенигсен объезжает местность для избрания выгодной позиции, на которой можно было бы дать еще одно генеральное сражение. Я проехал две улицы... мне пришлось пробираться промеж двух рядов повозок, переполненных ранеными, и еще огромная толпа таковых же шла пешком, направляясь к главному госпиталю. Это было чрезмерное приумножение раненых, потому что в этот же самый день по рапорту коменданта число их превышало 36 тысяч.

Наша армия только что прибыла на гору, называемую Поклонною, и остановилась на большой смоленской дороге в расстоянии одного лье от заставы. С первого же взгляда я заметил большое смятение. Я нашел князя Кутузова сидящим и грею-

¹ Ma tête, fût-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle-même, то есть: «В настоящем случае я должен положиться только на самого себя, каков бы я ни был, умен или прост», — сказал мне Кутузов, вскакивая со скамейки, в ответ на взгляд, который устремил я на него, слыша общее разногласие.

щимся около костра; он был окружен генералами, офицерами генерального штаба и адъютантами, прибывшими со всех сторон и испрашивавшими приказаний.

Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках, воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 21–22

В 10-м часу, когда огонь при совершенной темноте стал умолкать, Кутузов возвратился в прежнюю главную квартиру свою, двор Татаринов, верстах в 5-ти за позицією. Он собрал генералов, чтобы решить, удержать ли на другое утро поле сражения или отступить. А между тем, велел Толю обозреть, в каком положении находится левый фланг.

Карл Федорович велел мне следовать за ним. Следуя в темноте по линии войск, расположившихся уже на биваках, но еще без огней, мы слышали падавшие вдали весьма изредка отдельные пушечные выстрелы. Приехав на левый фланг, Карл Федорович узнал, что старая Московская дорога ведет лесами, прямее почтовой, на коммуникации армии. Оттуда только слышались упомянутые выстрелы. Это обстоятельство было решительное. В 11 часов вечера генералы разъехались к своим местам, получив приказание Кутузова к отступлению.

Михайловский-Данилевский А. И. Записки А. И. Михайловского. 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 145–146

К концу сражения все были истощены от усталости, потому что мы находились верхом на лошадях восемнадцать часов; я лег спать, но едва закрыл глаза, как меня вызвали к главнокомандующему, которого я застал вдвоем с Бенигсеном, рассуждающих о том, что надлежало предпринять. Невзирая на мою усталость, лишившую меня почти всех сил, сии знаменитые два начальника и мысль, что они за мною прислали и, следовательно, начали меня отличать, ибо отличие состоит не в наградах, а в доверенности и в даваемых поручениях, меня воскресили, и я почувствовал себя совершенно укрепленным; новое доказательство превосходства нравственной силы над телесною. Светлейший велел мне в своей комнате написать донесение к государю и

еще разные другие бумаги, за которыми я провел до двух часов пополуночи, а в сие время я сел верхом и поехал с полковником Кайсаровым, чтобы устраивать некоторый порядок в отступлении артиллерии. Ночь была холодная, армия находилась уже на марше, различные чувства увидел я при рассвете на лицах офицеров и солдат, удалявшихся с того поля, на котором они увековечили славу России.

Голицын А. Б. Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 23

Кутузов никогда не полагал дать сражение на другой день, но говорил это из одной политики. Ночью я объезжал с Толем позицию, на которой усталые воины наши спали мертвым сном, и он донес, что невозможно думать идти вперед, еще менее защищать с 45 тысячами те места, которые заняты были 96 тысячами, особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении. Кутузов все это знал, но ждал этого донесения и, выслушав его, велел не медля отступать, поручив аррьергард Платову. Он так быстро отходил, что в 2 часа навел почти всю армию французскую на позицию к Можайску, где предполагено было защищаться и не уступать ее французам до другого дня, но дело обошлось без сего. Кутузов посылая в аррьергард, приказывал всякому смотреть, в каком положении армия французская и доносить ему со всею подробностью, кто что видел, но когда он узнал, что неприятельские кавалерийские колонны составлены из сборных войск, то есть что в том же фронте улан стоит подле гусара, гусар подле кирасира, кирасир подле конно-егеря и так далее, то он говорил: «Каково их потрясли?»

Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках, воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 22

Мы ожидали, что при первом мерцании дня неприятель нас задавит. Сколь велико было удивление наше, когда по восходе солнца, при совершенно ясном небе, мы не могли открыть неприятеля, сколько глаз видеть мог в отдаленность. 130 или, может быть, и 110 тысяч отошли ночью незаметно, как кошка.

Арьергард дал время всем войскам сняться с лагеря и уже после полдня последовал за ними к Можайску, не выдав ни души неприятельской. Справедливо донес Кутузов в момент окончания сражения, что оно выиграно нами. Впоследствии сделалось известно, что Наполеон потерял в нем почти всю кавалерию, отчего и не решился атаковать лагерь Тарутинский. Под Бородиным виноват Платов, ничего не делав во весь день. Казаки его и ночь всю проспали, не заметив отступления ведетов неприятельских.

Михайловский-Данилевский А. И. Записки А. И. Михайловского. 1812 год // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 146

На другой день после Бородинского сражения, то есть 27 августа, вечером, за мною прислал опять главнокомандующий и приказал мне, не выходя из его избы, написать разные бумаги. Между тем как я сие исполнил, он бранил Платова, который в сей день командовал арьергардом; вот, между прочим, собственные слова его: «Он привел неприятеля в наш лагерь, я не знал, чтобы он был такой г...няк». Потом он призвал генерала Раевского и велел ему командовать арьергардом. В восемь часов он лег почивать и приказал, чтобы его разбудили в час пополуночи, а я остался один в его комнате, чтобы окончить некоторые бумаги и чрез полчаса, намереваясь уходить, немного зашумел стулом. «Кто здесь?» — спросил он, проснувшись. «Это я», — отвечал я. «Хорошо», — сказал он. Чрез несколько секунд на улице зашумели. «Поставь ко мне поближе свечу и вели, чтобы там не стучали, — сказал он, — и меня не беспокоили». Не успел я подвинуть к нему свечу, как он заснул, и я несколько минут, стоя возле него, на него смотрел; он почивал так спокойно — это был сон праведника.

Граббе П. Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 469

Сколько живо и ясно перед памятью моей предстал Бородинский день, столько же смешанно, туманно, как томительный сон, припоминаю себе первые дни отступления. Бесконечный ряд повозок, заваленных ранеными, огромная нить артиллерии, вы-

шедшей из соразмерности с остатками армии, отдельные люди разных воротников, отыскивавшие свои полки, оглушенные после такого громового дня, какое-то общее уныние после обманутых надежд, отступление после таких потрясающих и торжественных ощущений; все это вместе навело на меня какое-то онемение всех чувств, почти бессмысленность.

Незавидна в подобные дни судьба главнокомандующего, к тому же, обязанного скрывать под личиною бесстрастия все в душе его происходящее! Кутузов между Бородиным и Москвою должен был выстрадать века целые.

*Письмо Н. М. Лонгинова С. Р. Воронцову
от 13 сентября 1812 года*

Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 23. С. 145–162

Кавалер Безерра отправляется отселе завтра, пользуюсь случаем, чтобы отвечать Вашему сиятельству на вопрос Ваш о происшествиях в армии, где Вы справедливо заключаете, что не без интриг было сначала и до ныне, к несчастью и вреду нашему. <...>

Вся публика кричала Кутузова послать. Кутузов был здесь и трактован, как всякий офицер, несмотря на прошлую кампанию и на мир с турками, о коих даже и слова не сказано ему по приезде Государя, пока, наконец, он сам не стал требовать объяснения, дурно ли, хорошо ли он сделал, и что он желает знать мнение Государя. Тут и сторговались с ним выбрать княжеский титул или жене портрет! Наконец, когда дело зашло и за Смоленск — нечего делать: надобно послать Кутузова поправить то, что уже близко к разрушению. Увы! Москва не спасена, несмотря на 26 августа, стойвшее нам до 30 000 героев! Вот каковы следствия Ольденбурцов, Сперанских, Фулев, Барклаев! Бог знает, что вперед случится. <...>

Ваше сиятельство еще до получения сего узнаете о вступлении французов в Москву. Сие случилось вследствие военного совета, который был созван и в коем Беннигсен и Коновницын, генерал-лейтенант, предлагали защищать Москву; прочие все согласны были оставить онаю, в том числе и князь Кутузов, несмотря на то, что при отъезде отсюда и по прибытии в армию

он объявил, что неприятель не иначе вступит в сию древнюю столицу, как по его мертвому трупу. Видно, были важные причины, кои заставили отступить и не произвести в действо первоначального плана защищать ее как Сарагоссу. <...>

Многие письма, кои я сам видел, полагают, что дела наши чрез отдачу Москвы много выиграли, но, кроме того, почти невозможно преградить путь армии до 200 000 тысяч простирающейся, зло (морально судя) потери столицы есть пятно для чести народной и может произвести в народе печальные следствия, если дух начнет упадать и жар простынет. Чтобы предупредить сии пагубные последствия надобно немедленно действовать наступательно. Надеюсь, что князь Кутузов сего не упустит, но с 4-го числа известий от него нет. <...>

Если бы сначала дали команду Кутузову или посоветовались с ним, и Москва была бы цела, и дела шли бы иначе; но предубеждения против его с австрийской кампании, где он, впрочем, нимало не виновен, доселе остались непреклонными, даже когда Отечество стало на краю гибели. Государь даже и не начинал говорить с ним про войну. Кутузов почел обязанностью говорить о том и доказал, что план был самый необдуманый и войска были расположены не по военным правилам и более похоже на кордон против чумы. Хотя и поздно принялись за него, но по крайней мере надежда остается, что Отечество не погибнет и что почтенный сей старик и военными способностями, и опытностью, и именем своим, может спасти и поправить дела. Что до Москвы, знающие положение мест и войск доказали, что, отдавши Смоленск, ее удерживать было бы безрассудно. С часу на час ожидаем теперь о случившемся в армии с 4-го числа известий; они должны быть важны и решительны. Одно к утешению нам остается, что Государь и не думает о мире и решился никаких предложений не принимать, хотя бы дело дошло до Казани и Архангельска. <...>

Письмо Ф. В. Ростопчина Александру I от 8 сентября 1812 года

Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 534–536

Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию. В самом деле, странно, каким образом, после столь постыдного, три месяца длившегося отступления, столицей Вашею

овладел доведенный до крайности неприятель. <...> Генералы в бешенстве, а офицеры громко говорят, что стыдно носить мундир. Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников, и они грабят на глазах своего начальства. <...> Расстреливать невозможно: нельзя же казнить смертью по несколько тысяч человек на день? Всюду каверзы. Беннигсен добивается главного начальства. Он только и делает, что отыскивает позиции в то время, когда армия в походе. Он хвастает тем, что один говорил против оставления Москвы и хочет выпустить о том печатную реляцию. <...> Барклай подал голос за оставление Москвы неприятелю и тем, может быть, хотел заставить забыть, что, благодаря его поспешности, погиб Смоленск. Князя Кутузова больше нет — никто его не видит; он все лежит и много спит. Солдат презирает его и ненавидит его. Он ни на что не решается; молоденькая девочка, одетая казаком, много занимает его. Покинув Москву, он направился на Коломенскую дорогу, чтобы прервать сообщение неприятеля с Смоленском и воспользоваться запасами, накопленными в Калуге и Орле. Он даже думает дать сражение, но никак не решится на него. Довод у него тот, что надо сберегать армию; но если она должна все отступать, то он скоро ее лишится. Я держусь мнения, что Бонапарт уйдет от него в то время, как он всего менее будет ожидать того. <...>

Все делают Кайсаров и Кудашев, они распорядители судьбы вашей и судьбы Империи. Так как распространено мнение, что Кутузов действует по Вашим приказаниям и так как объявленная им самим сдача Москвы без сражения поразила всех ужасом, то было бы необходимо, для предотвращения мятежа, отозвать и наказать этого старого болвана и царедворца. Иначе произойдут неисчислимы бедствия. <...>

Я в армии, смерть у меня в душе. Вижу войско в беспорядке, крестьян разоренных, сообщения прерванные; нет начальника и никого, кто бы его заменил. Вот другой раз общественное мнение обманулось в своем выборе. Каменский рехнулся, а Кутузов, старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая.

Вашего Величества

всепреданнейший граф *Ростопчин*

*Письмо Александра I П. А. Толстому
от 8 сентября 1812 года*

*Чтения в Императорском обществе истории и древностей
российских при Московском университете. М., 1913. Кн. 4. С. 4*

С.-Петербург

По-видимому, враг впущен в Москву. Хотя Я рапортов с 29-го августа по сие число от князя Кутузова не имею, но по письму от графа Ростопчина от 1-го сентября через Ярославль извещен Я, что князь Кутузов намерен оставить с армиею Москву. Причина сей непонятной решимости остается Мне совершенно сокровенна, и Я не знаю, стыд ли России она принесет, или имеет предметом уловить врага в сети. <...>

Александр

Журнал военных действий

*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.
С. 225–226*

[Сентябрь 1812]

2 [сентября]. В 3 часа пополуночи армия, имея только один Драгомиловский мост к отступлению, выступила одною колонною и в самом большом порядке и тишине проходила Москву. Глубокая печаль написана была на лицах воинов, и казалось, что каждый из них питал в сердце мщение за обиду, как бы лично ему причиненную.

Между тем, пройдя Москву, армия взяла направление по Рязанской дороге и расположилась лагерем при деревне Панки. Когда неприятель приближался к Москве, тогда генерал Милорадович, командовавший арьергардом, заключив перемирие на несколько часов с начальником неприятельского авангарда королем неаполитанским, отступил не только без малейшей потери с своей стороны, но еще дал время многим из жителей выбраться из города. В арсенале оставшееся еще оружие тем временем было частью выбрано, частью истреблено. Наконец, оставив город, генерал

Милорадович с аррьергардом расположился в виду одного пред селением Карачаровым. Генерал-адъютант барон Винценгероде с отрядом своим отступил по Тверской дороге. Между тем главнокомандующий князь Кутузов отделил отряд из кавалерии и некоторой части пехоты по Нижегородской дороге, дабы прикрыть государственные сокровища и имущество многих московских жителей, по сей дороге отступивших. Главная квартира в сей день была в селе Жилине. В ночь начался пожар в городе. <...>

*Письмо Д. С. Дохтурова М. П. Дохтуровой
от 3 сентября 1812 года*

*Письма Д. С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874.
Кн. 1. Стб. 1098–1099*

Я, слава Богу, совершенно здоров, но в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас! Мы уже по сю сторону столицы. Я прилагаю все старание, чтобы убедить идти врагу навстречу; Беннигсен был того же мнения, он делал что мог, чтобы уверить, что единственным средством не уступить столицы было бы встретить неприятеля и сразиться с ним. Но это отважное мнение не могло подействовать на этих малодушных людей: мы отступили через город. Какой стыд для русских: покинуть столицу без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать? Следует покориться, потому что над нами, по-видимому, тяготеет кара Божия. Не могу думать иначе: не проиграв сражения, мы отступили до этого места без малейшего сопротивления. Какой позор! Теперь я уверен, что все кончено, и в таком случае ничто не может удержать меня на службе: после всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости начальников, после всего этого ничто не заставит меня служить — я возмущен всем, что творится! <...>

Я полагаю, что мы пойдем по Калужской дороге, но я боюсь, чтобы соседство Москвы не было для вас опасно; любезный друг, если возможно, то переберитесь несколько далее.

*Письмо М. И. Кутузова Е. И. Кутузовой
от 3 сентября [1812]*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 232

Я, мой друг, слава Богу, здоров и, как ни тяжело, надеюсь, что Бог все исправит. Детям благословение.

Верный друг *Михайла Г[оленищев]-Кутузов*

*Рапорт М. И. Кутузова Александру I
от 4 сентября 1812 года*

*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.
С. 232–233*

Жилино

После столь кровопролитного, хотя и победоносного с нашей стороны, от 26-го числа августа, сражения должен я был оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел счастье донести Вашему Императорскому Величеству. После сражения того армия была приведена в крайнее расстройство, вторая армия весьма уже ослабела. В таком истощении сил приближались мы к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем недалнем расстоянии не представилось позиции, на которой мог бы я с надежностью принять неприятеля. Войска, с которыми надеялись мы соединиться, не могли еще придти; неприятель же пустил две новые колонны — одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогам, стараясь действовать на тыл мой от Москвы, а потому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение остатков армии, но и кровопролитнейшее разрушение и превращение в пепел самой Москвы. В таком крайне сомнительном положении, по совещании с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен я был решиться попустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровища, арсенал и все почти имущества как казенные, так и частные вывезены и ни один дворянин в ней не остался.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести Вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того, с войсками, которых успел я спасти, делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важнейший литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы оные, равно и связь с армиями Торماسова и Чичагова, если бы они показали большую деятельность на угрожение правого фланга неприятельского.

Хотя не отвергаю того, что занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и, обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию.

Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Клинской и Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий.

Теперь, в недалеком расстоянии от Москвы, собрав мои войска, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия Вашего Императорского Величества цела и подвижна известною храбростью и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочем, Ваше Императорское Величество Всемилостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал. Полковник Мишо объяснит Вашему Императорскому Величеству обстоятельное положение наших дел.

Журнал военных действий

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 220–221

[Сентябрь 1812]

Сентября 1 армия отступила к г. Москве; расположилась лагерем: правый фланг пред деревнею Фили, центр между селами Троицким и Волынским, а левый фланг пред селом Воробьевым; арьергард армии при деревне Сетуне.

Сей день пребудет вечно незабвенным для России, ибо собранный совет у фельдмаршала князя Кутузова в деревне Фили решил пожертвованием Москвы спасти армию. Члены, составлявшие оный, были следующие: фельдмаршал князь Кутузов, генералы: Барклай де Толли, Беннигсен и Дохтуров; генерал-лейтенанты граф Остерман и Коновницын, генерал-майор и начальник главного штаба Ермолов и генерал-квартирмейстер полковник Толь.

Фельдмаршал, представив Военному совету положение армии, просил мнения каждого из членов на следующие вопросы: ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать оному столицу без сражения? На сие генерал Барклай де Толли отвечал, что в позиции, в которой армия расположена, сражения принять невозможно и что лучше отступить с армиею чрез Москву по дороге к Нижнему Новгороду, как к пункту главных наших сообщений между северными и южными губерниями.

Генерал Беннигсен, выбравший позицию пред Москвою, считал ее непреоборимою и потому предлагал ожидать в оной неприятеля и дать сражение.

Генерал Дохтуров был того же мнения.

Генерал Коновницын, находя позицию пред Москвою невыгодною, предлагал идти на неприятеля и атаковать его там, где встретят, в чем также согласны были генералы Остерман и Ермолов; но сей последний присовокупил вопрос: известны ли нам дороги, по которым колонны должны двинуться на неприятеля?

Полковник Толь представил совершенную невозможность держаться армии в выбранной генералом Беннигсеном позиции, ибо с неминуемою потерею сражения, а вместе с сим и Москвы, армия подвергалась совершенному истреблению и потере всей артиллерии, и потому предлагал немедленно оставить позицию при Филиях, сделать фланговый марш линиями влево и располо-

жить армию правым флангом к деревне Воробьевой, а левым между Новой и Старой Калугинскими дорогами в направлении между деревень Шатилово и Воронково; из сей же позиции, если обстоятельства потребуют, отступить по Старой Калужской дороге, поелику главные запасы съестные и военные ожидаются по сему направлению.

После сего фельдмаршал, обратясь к членам, сказал, что с потеряннием Москвы не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться с теми войсками, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге.

Вследствие сего, приказано было армии быть в готовности к выступлению. <...>

*Письмо М. И. Кутузова Ф. В. Ростопчину
от 1 сентября 1812 года*

*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.
С. 221–222*

деревня Фили

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение принуждают меня с горестью Москву оставить. Армия идет на Рязанскую дорогу. К сему покорно прошу Ваше Сиятельство прислать мне с сим же адъютантом моим Монтрезором сколько можно более полицейских офицеров, которые могли бы армию провести через разные дороги на Рязанскую дорогу.

Пребываю с совершенным почтением, милостивый государь мой, Вашего Сиятельства всепокорный слуга

князь Г[оленищев]-Кутузов

Письмо И. П. Оденталя к А. Я. Булгакову
от 3 сентября 1812 года

Русская старина. 1912. № 7. С. 289–291

С.-Петербург

Государь еще здесь, и я не слышу более о дне его отъезда к вам или в другое место. Кутузов Александров день превратил сего года в Петербурге в Светлое Христово Воскресение. Все, поздравляя друг друга с победою, обнимались, лобызались. Не можно описать радости и восторга, которые изображались на всех лицах. <...>

Высочайший Именинник был чрезвычайно весел. Он шествие свое совершал взад и вперед на лошади. Воздух наполнялся восклицаниями народа. Я сам с ними кричал ура! <...> Знайте также, что я видел несчастных, которые в радостный день стояли в церкви, повеся нос, а после уверяли, что мы преждевременно радуемся. У вас этакие мерзавцы составляют невидимое ополчение злодея, а у нас они гордятся, что могут явно быть ему помощниками. Их, к счастью, теперь не слушают, и потому-то победителя сделали фельдмаршалом, пожаловали ему 100 т[ысяч] рублей, супруга его возведена в статс-дамы, а племянница Яхонтова в фрейлины. <...>

Мы ждем с последним нетерпением известий от нового фельдмаршала. Сказывают, что злодей отступил токмо на 15 верст. Ах! Кабы подоспел Тормасов, так тотчас бы решились на голодную, но отчаянную сволочь. Ее постоянно поят вином. Медленность Кутузова основана на пощаде своих. Он доконает Бонапарта более голодом. Скажите! Какая необходимость лезть на его необъятную артиллерию? Так, несравненный Булгаков! Кутузов победит, Россия избавится, Европа воскреснет. Он задохнется от славы, он умрет от радости. Какой блаженный конец! Для него нет другой награды, кроме бессмертия. <...>

Приказ по армиям от 28 августа 1812 года

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 160–161

Главная квартира деревня Шелковка

Особенным удовольствием поставляю объявить мою совершенную благодарность всем вообще войскам, находившимся в последнем сражении, где новый опыт оказали они неограниченной любви своей к Отечеству и Государю и храбрость, русским свойственную. Полки же лейб-гвардии доказали, что они по справедливости заслуживают счастье охранять священную особу Всемилостивейшего Нашего Государя. После самого кровопролитнейшего сражения не находилось ни одного из сих воинов, оставившего свои ряды.

Ныне, нанеся ужаснейшее поражение врагу нашему, мы дадим ему с помощью Божью конечный удар. Для сего войска наши идут навстречу свежим воинам, пылающим тем же рвением сразиться с неприятелем. Щедрые награды Всемилостивейшего Государя всем храбрым готовы.

*Письмо М. И. Кутузова Д. И. Лобанову-Ростовскому
от 28 августа 1812 года*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954. С. 171

На позиции под Можайском

Милостивый государь мой князь Дмитрий Иванович!

В ответ на отношение Вашего Сиятельства спешу сказать вам, что направление войск под начальством Вашим должно иметь к Москве наискорейшим образом и, если помощь, которую я ожидаю, не последует в надлежащее время, то вся ответственность падет на Вас, а потому ожидаю, что Вы в настоящее время употребите всю Вашу деятельность.

Пребываю с совершенным почтением и преданностью, милостивой государь мой, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
князь *Михаил Г[оленищев]-Кутузов*

*Письмо М. И. Кутузова Калужскому губернатору П. Н. Каверину
от 28 августа 1812 года*

*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.
С. 172*

Милостивый государь мой Павел Никитич!

По настоящим положениям военных действий для поспешнейшего доставления провианта и военных потребностей, основываясь на «Учреждении больших действующих армий», почитаю я необходимым нужным объявить вверенную управлению Вашего Превосходительства Калужскую губернию в военном положении. Все присутственные места закрыть, оставив губернское правление и казенной палаты камерную часть с рекрутским присутствием. Я уверен по известному мне усердию к службе Вашего Превосходительства, что Вы, требуя от генерал-лейтенанта Шепелева, командующего в Калужской губернии войсками, взаимно употребить всевозможные средства к охранению границ Калужской губернии и особенно губернского города Калуги, имеете в виду также учредить временное управление Смоленской губернии в городах Рославле и Ельне, и о всем, что там происходит, прошу Вас меня уведомить.

Провиант должно при приближении неприятеля к губернскому городу стараться всеми мерами истребить; имеющей же прибыть из Орла отправить водою до Коломны, а оттуда московское начальство сделает свое распоряжение; прочие же сухим путем должны отправлять Старою Московскою дорогою, ежели то не опасно, чрез Подольск в Москву. Вы озаботитесь также о перемещении почт, буде большая дорога будет пресечена неприятелем.

Все предписания Ваши по гражданской части, также и требования от войск команды, особенно должны исполняемы быть начальством внутренней стражи беспрекословно. Буде бы настояла необходимость вывезти из губернского города присутственные места и казну, то должны Вы ехать в ближайшую губернию, донеся о том Правительствующему Сенату. Из уездных городов присутственные места предпишите выводить городничим с тем, чтобы, сохраняя казны, выпускали¹ вино.

¹ Выливали.

*Письмо М. И. Кутузова Ф. В. Ростопчину
от 27 августа 1812 года*

*М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1954.
С. 158–159*

Жуково

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

После кровопролитнейшего сражения, вчерашнего числа происходившего, в котором войска наши потерпели естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия и совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву против, конечно, уже несколько пораженных сил его. Помощи, которые требуя я, различные и потому отправляю я полковника к[нязя] Кудашева оные Вашему сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что может дать Москва в рассуждении войск, прибавки артиллерии, снарядов и лошадей и прочего, имеемого ожидать от верных сынов отечества, все бы то было приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем. И к кому же надежнее могу я во всех сих нуждах обратиться, как не к известному любовью и усердием достойному предводителю древней столицы.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Сиятельства, милостивого государя моего, всепокорный слуга

Князь Г[оленищев]-Кутузов

Толстой Л. Н. Война и мир

У Яузского моста все еще теснилось войско. Было жарко. Кутузов, нахмуренный, унылый, сидел на лавке около моста и плетью играл по песку, когда с шумом подскакала к нему коляска. Человек в генеральском мундире, в шляпе с плюмажем, с бегущими не то гневными, не то испуганными глазами, подошел к Кутузову и стал по-французски говорить ему что-то. Это был

граф Растопчин. Он говорил Кутузову, что явился сюда, потому что Москвы и столицы нет больше, и есть одна армия.

— Было бы другое, ежели бы ваша светлость не сказали мне, что вы не сдадите Москвы, не давши еще сражения: всего этого не было бы! — сказал он.

Кутузов глядел на Растопчина и, как будто не понимая значения обращенных к нему слов, старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное в эту минуту на лице говорившего с ним человека. Растопчин, смутившись, замолчал. Кутузов слегка покачал головой и, не спуская испытующего взгляда с лица Растопчина, тихо проговорил:

— Да, я не отдам Москвы, не дав сражения.

Думал ли Кутузов совершенно о другом, говоря эти слова, или нарочно, зная их бессмысленность, сказал их, но граф Растопчин ничего не ответил и поспешно отошел от Кутузова. И странное дело! Главнокомандующий Москвы, гордый граф Растопчин, взяв в руки нагайку, подошел к мосту и стал с криком разгонять столпившиеся повозки. <...>

Французы приписывали пожар Москвы au patriotisme féroce de Rastopchine¹; русские — изуверству французов. В сущности же причин пожара Москвы в том смысле, чтоб отнести пожар этот на ответственность одного или нескольких лиц, таких причин не было и не могло быть. Москва сгорела вследствие того, что она была поставлена в такие условия, при которых всякий деревянный город должен сгореть, независимо от того, имеются ли или не имеются в городе сто тридцать плохих пожарных труб. Москва должна была сгореть вследствие того, что из нее выехали жители, и так же неизбежно, как должна загореться куча стружек, на которую в продолжение нескольких дней будут сыпаться искры огня. Деревянный город, в котором при жителях-владельцах домов и при полиции бывали летом почти каждый день пожары, не может не сгореть, когда в нем нет жителей, а живут войска, курящие трубки, раскладывающие костры на Сенатской площади из сенатских стульев и варящие себе есть два раза в день. Стоит в мирное время войскам расположиться на квартирах по деревьям в известной местности, и количество пожаров в этой местности тотчас увеличивается. В какой же степени должна увеличиться вероятность пожаров в пустом деревянном городе, в котором расположится чужое войско! Le patriotisme féroce de

¹ Дикому патриотизму Растопчина (фр.).

Rastorchine и изуверство французов тут ни в чем не виноваты. Москва загорелась от трубок, от кухонь, от костров, от неряшливости неприятельских солдат, жителей — не хозяев домов. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всяком случае хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, так как без поджогов было бы то же самое.

Как ни лестно было французам обвинять зверство Растопчина и русским обвинять злодея Бонапарта, или потом вложить героический факел в руки своего народа, нельзя не видеть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгореть, как должна сгореть каждая деревня, фабрика, всякий дом, из которого выйдут хозяева и в который пустят хозяйничать и варить себе кашу чужих людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выехали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее. <...>

В вечер 26-го августа и Кутузов и вся русская армия были уверены, что Бородинское сражение выиграно. Кутузов так и писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля, не потому, чтоб он хотел кого-нибудь обманывать, но потому, что он знал, что враг побежден, так же как знал это каждый из участников сражения.

Но в тот же вечер и на другой день стали одно за другим приходить известия о потерях неслыханных, о потере половины армии, и новое сражение оказалось физически невозможным.

Нельзя было давать сражения, когда еще не собраны были сведения, не убраны раненые, не пополнены снаряды, не сочтены убитые, не назначены новые начальники на места убитых, не наелись и не выспались люди. А вместе с тем сейчас же после сражения, на другое утро, французское войско (по той стремительной силе движения, увеличенного теперь как бы в обратном отношении квадратов расстояний) уже надвигалось само собой на русское войско. Кутузов хотел атаковать на другой день, и вся армия хотела этого. Но для того, чтобы атаковать, недостаточно желания сделать это; нужно, чтоб была возможность это сделать, а возможности этой не было. Нельзя было не отступить на один переход, потом точно так же нельзя было не отступить на другой и на третий переход, и, наконец, 1-го сентября, когда армия по-

дошла к Москве — несмотря на всю силу поднявшегося чувства в рядах войска, сила вещей требовала того, чтобы войска эти шли за Москву. И войска отступили еще на один, на последний переход и отдали Москву неприятелю. <...>

Событие это — оставление Москвы и сожжение ее — было так же неизбежно, как и отступление войск без боя за Москву после Бородинского сражения.

Каждый русский человек, не на основании умозаключений, а на основании того чувства, которое лежит в нас и лежало в наших отцах, мог бы предсказать то, что совершилось.

Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Растопчина и его афиш, происходило то же самое, что произошло в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого не раздирал на куски, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя свое имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось.

Сознание того, что это так будет и всегда так будет, лежало и лежит в душе русского человека. И сознание это, и более того, предчувствие того, что Москва будет взята, лежало в русском, московском обществе 12-го года. Те, которые стали выезжать из Москвы еще в июле и начале августа показали, что они ждали этого. Те, которые выезжали с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого (latent) патриотизма, который выражается не фразами, не убийством детей для спасения отечества и т. п. неестественными действиями, а который выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты. <...>

Кутузов понимал, что, несмотря на огромные потери, французская армия еще сильна, и принял решение об отходе. Это решение диктовалось необходимостью восстановить потери русских войск и создать благоприятные условия для дальнейшей борьбы.

Чтобы принять решение об оставлении Москвы, нужно было обладать глубочайшей уверенностью в правильности своих действий, высоким гражданским мужеством и огромной силой воли. Очертания будущей победы Кутузов видел уже во время заседания военного совета в Филях и после заседания совета выразил уверенность в конечной победе следующим словами: «Самой сдачей Москвы приготовлю я гибель неприятелю». Кутузов был убежден, что Наполеон займет Москву и будет

ожидать мира, что даст возможность русской армии оторваться от французской, собраться с силами и затем перейти в контрнаступление.

Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. Ч. 1. СПб., 1822. С. 44–45

1 сентября в Филях решили оставить Москву, из которой все сокровища, арсенал, казенные и частные имущества были вывезены и самые жители большей частью выехали... Нужно ли говорить, что таковая жертва долженствовала нанести глубочайшую рану всей России? Князь Кутузов очень чувствовал это; но великий гений его предвидел гораздо более прочих. Он знал, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России; что доколе русская армия движима храбростью и усердием, доколе еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества; что отдача Москвы есть нераздельное последствие с потерю Смоленска и что конец только венчает дело.

Липранди И. П. I. Не голод и не мороз были причиною гибели наполеоновых полчищ. II. Русские или французы зажгли Москву? III. Замечания на некоторые выражения, встречающиеся в описании Отечественной войны 1812 года. СПб., 1855. С. 13–14, 167, 188–189, 191–192

Русские или французы зажгли Москву? Вопрос чрезвычайно важный, а потому он не мог не обратить на себя внимания автора «Отечественной войны 1812 года» (А. И. Михайловского-Данилевского. — *Ред.*). Но из всего, что сказано им по этому предмету, нельзя однако же вынести определительное заключение: кто же именно был главным виновником сожжения Москвы? Автор попеременно приписывает это то французам, то патриотизму москвичей, стараясь во всяком случае внушить то главное, что тут не было участия со стороны нашего правительства и как бы оправдаться перед иностранцами, приписавшими истреблением Москвы распоряжениям графа Ростопчина...

Отступая от Смоленска (и даже еще прежде) до Москвы, мы, оставляя селения, с живым содействием жителей, зажигали оные

прежде, чем французы занимали их. Это был как бы общий план, соответствовавший духу и чувствам народа, а что, впрочем, есть указания и у самого автора «Отечественной войны», в особенности при описании движения нашей армии от Смоленска к Москве. Мы искали всячески лишать неприятеля всех средств к приюту и существованию, и, если может быть, на это и не было письменного повеления (на чем основывает все свои выводы автор «Отечественной войны»), то не менее этого делалось и не было воспрещено ни одним из главнокомандующих. Каким же образом Москва, возбуждавшая такое сочувствие в народе, была бы изъята из этого общего плана, когда она одна, истреблением своим могла нанести более вреда Наполеону, чем все то, что было сожжено от Смоленска до нее? Впрочем, я сам лично помню и, конечно, помнят еще и многие, как в Подольске, в Красной Пахре и в особенности в лагере при Тарутине нам рассказывали выходцы из Москвы, какие употребляли они средства и хитрости к сожжению города и т. д. ...

Очевидно и неоспоримо, что Ростопчин имел намерение в случае неудачи отстоять Москву от неприятеля, сжечь ее и сделать гробом для врагов; что для приведения этого в исполнение систематическим образом, ему нужно было знать об оставлении Москвы за два дня вперед; что для сего приготовлены были в разных местах необходимые снаряды; но что, будучи предупрежден о решении оставить Москву лишь за несколько часов, он должен был прибегнуть к другим средствам, которыми, с помощью принятых им мер к подготовке черни, посредством разбития бочек с вином, своевременного исполнения сделанного им приказания следственному приставу, которое сделало первый шаг к поджогам; точного, усердного и самоотвержением выполненного поручения оставленными в городе полицейскими служителями и другими избранными для сего лицами и, наконец, с помощью патриотического самоотвержения некоторых жителей, Ростопчин, содействуемый распоряжением Кутузова, приказавшего жечь амуницию и снаряды, увенчал полным успехом бессмертное предначертание и пожаром первопрестольной русской столицы озарил в будущем избавление России и конец величию Наполеона.

Если даже допустить, что Москва запасается в сентябре месяце своими жизненными припасами на год, а некоторыми только на шесть месяцев, то обеспечение это делалось по расчислению народонаселения в триста тысяч жителей на год или хотя только на шесть месяцев. А как все жители внезапно оставили

столицу, то не может подлежать никакому сомнению, чтоб сто тысяч французов не нашли в ней продовольствия на месяц и даже более. К этому должно еще присовокупить, что Москва была тогда центральным складом продовольственных запасов для нашей армии, следовательно вывезти из оной все приготовленные запасы было делом невозможным...

Походные записки артиллериста. 1812 г. Война в России. Артиллерии подполковника И. Р. Киев, 1912. С. 57–58

После роздыха 3-го сентября, в следующий день тронулись мы в поход по Рязанской дороге. Пламя горящей столицы разливалось по небу, и клубящийся дым взвивался высоко, образуя густые черные облака. Погода была пасмурная, холодная и влажная, соответствующая обстоятельствам.

На этом переходе случай доставил мне честь говорить с самим фельдмаршалом князем Кутузовым. Я с артиллерией должен был переходить проселочной дорогой через одну речку по весьма слабому мосту, который расшатался от прошедшей по нему пехоты и артиллерии. Осмотревши его с крутых берегов, я заметил опасность и, никак не решаясь пройти по нему со своими пушками, воротился на большую дорогу, чтобы, хотя несколько далее в обход, но перейти безопаснее. Мое обратное следование с ротой артиллерии заметил фельдмаршал, ехавший в крытой коляске, он позвал меня к себе и спросил, что это значит. Я отвечал ему; тогда он приказал одному из находившихся при нем колонновожатых провести артиллерию удобнейшею и ближайшею к нашей дивизии дорогою, по которой дал направление и прочим обозам. Говоря с князем, я видел его важное и спокойное лицо; казалось, он был в полном уверении о предстоящем перевороте судьбы неприятелей и ожидал только успеха, должного и увенчать его мудрые предприятия для спасения отечества.

За речкой я примкнул к своей пехоте. Мы проходили мимо одной великолепной мызы и села, на Москве-реке лежащих. Все было тут пусто и оставлено на произвол проходивших. Артиллерии пришлось идти через сад, мимо длинной оранжереи, наполненной лимонными и померанцевыми деревьями почти с зрелыми плодами. Я прогулялся по ней среди разнообразной зелени и с сожалением видел много кадок и горшков опрокинутых, дере-

вьев поломанных и стекол выбитых. Так война истребляла в самых недрах отечества произведения изящных затей.

Переход был не более 15 верст. Мы перешли Москву-реку у Боровского перевоза по месту и расположились в боевом порядке на высотах известкового берега. С этих холмов ясно представлялась нам картина пылающей со всех сторон столицы. Только что расположились мы на биваках, как вдруг раздался ужасный взрыв порохового погреба в городе: этот удар потряс все окрестности, и эхо страшным грохотом передало его во все концы горизонта. Во мне тотчас мелькнула мысль о Фигнере и его прощании...

Продолжая отступление, 5-го сентября мы вдруг поворотили направо, к юго-западу, и пошли по р. Пахре мимо Никитска; для ночлега остановились против Фроловского яма.

Следуя далее по Пахре, 6-го сентября стали против города Подольска. Генералы заняли квартиры в городе, а войска за ним в версте расстояния расположились биваками по обеим сторонам дороги. Уже время года было осеннее, земля влажная, обнаженная; покуда солдаты успевали построить кой-какие шалаши и добыть дров, офицеры довольно зябли. Впрочем, хлеба, мяса, водки и овса у нас было достаточно; перед Москвою нам вволю всего давали; только для лошадей было трудно найти сена. В Подольском Казначействе, к нашей небольшой отряде, оставалась какая-то тяжелая казна медных денег, с которою в настоящей опасности не знали что делать, а потому заблагорассудили раздать ее войскам. От каждого полка и артиллерийской роты потребовали команды для принятия денег, сколько приходилось кому по расчету; в том числе и ко мне в роту принесли, что следовало, пятаками. На походе от самой Вильны мы поистратились деньжонками и задолжали маркитантам; прилива же никакого не имели и даже думали, что, потерявши Москву, вовсе не будем получать жалованья, а потому этот скудный дар был нам весьма кстати.

Между тем, шесть дней и шесть ночей Москва умирала, превращаясь в пепел. Пламень ее разрушения сделал неизгладимое впечатление в умах и чувствах не одних сынов России, но и в неприятелях. Ее гибель потрясла не только Россию, но и всю Европу — даже отразилась по всем странам света, ибо с минуты ее превращения в пепел, постепенно стали являться перевороты в политическом мире обоих материков света. Так в шестой день исчезло то, что росло и процветало шесть веков. Легли в прах златоверхие храмы, гордо возвышавшиеся к небесам; легли в прах произведения изящной архитектуры, предметы наук и ху-

дожеств; легли в прах все радости и наслаждения роскошной жизни. Только Кремль с башнями еще остался, чтобы быть свидетелем всех ужасов и передать потомству событие. Пожар Москвы есть происшествие знаменитое в истории мира и славнейшая катастрофа в истории России. Подобное едва ли можно найти в отдаленной древности минувших веков; новейшие времена с успехами просвещения, смягчившего суровость нравов, не представляют примера столь чрезвычайной жертвы патриотизма. И тот, кто первый внес искру всеожжения в столицу или был главной причиной этой достославной жертвы любви к отечеству, тот истинно был русский духом и сердцем. Слава его имени возрастет с отделением веков в преданиях потомства.

Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. / Пер. П. М. Майкова. Киев, 1912. С. 80–87

С наступлением ночи наша армия начала отступать по Можайской дороге. Генерал Платов с казаками остался на том месте, которое занимало наше правое крыло и к которому не приближались французы, как я это говорил. Они лишь на рассвете заметили наше отступление, но оставались на месте до 11 часов утра, а затем уже стали наступать на отряд генерала Платова, который медленно начал отходить, по возможности задерживая их наступление, чтобы доставить нашей армии время и возможность отступить далее. Французы, миновав Можайск, сделали сильное нападение на наш арьергард, командование которым перешло уже тогда к генералу Милорадовичу. На следующий день произошло довольно жаркое дело между нашими арьергардными войсками и французами, в котором последние понесли немало потерь.

Главные же наши силы продолжали благополучно свое отступление почти до Москвы и заняли 28 августа (9 сентября) позиции на возвышенностях, находящихся в пяти верстах впереди Москвы.

Я избрал эту позицию как единственную, признанную мною удобною после Бородина. Она была бы очень выгодна для нас, если бы только нам не предстояло занять одну высоту, называемую Воробьевы горы, находящуюся на левом фланге, для его прикрытия; этим означенная позиция очень растягивалась. Несмотря на все сделанные мною исследования местности, не представлялось никакого иного способа этому помочь, коль скоро мы

одновременно желали занимать дорогу из Москвы в Можайск, по которой должны были наступать французы. Мы приступили также к необходимым работам по укреплению различных высот, находившихся на фронте этой позиции.

Несмотря на делаемые приготовления к обороне столицы, обыватели Москвы продолжали ее покидать и вывозили из города по возможности свое имущество. Однако, неоднократно данные генерал-губернатору Ростопчину уверения, что мы будем защищать этот город до последней крайности и выраженные ему словесно даже утром 1 (13) сентября, при прибытии его на занятую нами позицию, с которой мы в 11 часов вечера того же дня стали направлять нашу артиллерию в Москву, были причиной, что множество предметов, особенно комиссариатских и относящихся до вооружения войск (как то: ружья, снаряды, свинец и т. п.), не были заблаговременно вывезены из Москвы.

В тот самый день, 1 сентября, около семи часов вечера, когда я с полковником Мишо занимался окончательною рекогносцировкой окрестностей левого крыла нашей позиции, приехал ко мне офицер от князя Кутузова с приказанием прибыть к нему. Я ответил, что не замедлю явиться, как только окончу мою рекогносцировку. Действительно, около 7–8 часов, прибыв к князю Кутузову, я нашел у него собравшимся военный совет, который состоял из следующих лиц: из главнокомандующего, князя Кутузова, генерала от инфантерии Барклая-де-Толли, генерала от кавалерии Платова, генерала от инфантерии Дохтурова и генерал-лейтенантов: Уварова, графа Остермана, Раевского, Коновницына и еще генерал-майора Ермолова, начальника штаба 1-й армии. Каково же было мое изумление, когда в совете я узнал, что идет речь о том, чтобы отступить через Москву и предоставить эту столицу французам! Генерал Барклай больше всех настаивал на необходимости принять эту меру; он доказывал, что после Бородинского сражения наша армия чрезвычайно расстроена от понесенных нами больших потерь, как рядовыми, так, в особенности, генералами и офицерами. Он высказывал, что позиция, занимаемая нами на высотах Поклонной горы, не удовлетворительна; что мы потерпим поражение и, потеряв всю нашу артиллерию, принуждены будем отступать чрез самую Москву, тогда как, отступив без сражения ранее чрез Москву и направившись на Владимирскую дорогу, мы прикроем все учреждения и запасы, сделанные в этой губернии, по приказанию Государя, для дальнейшего ведения войны. Он добавил, что Его Величество

подготовлен к мысли, что мы покинем древнюю столицу и уверял, что Государь, без сомнения, одобрит подобную меру. Барклай-де-Толли прилагал все усилия, чтобы побудить совет согласиться с его предложением.

Так как на совете говорил один Барклай, то мне пришлось опровергать только его доводы. Я прежде всего спросил, обсудил ли он тщательно все последствия оставления нами Москвы, нашей столицы, самого большого города нашей Империи; приняты ли в соображение сопряженные с этим огромные потери, которые неизбежно понесет казна и множество частных лиц, а также и то влияние, какое сдача Москвы окажет на мнение толпы, общества и всего населения Империи? Очевидно, сдача Москвы будет иметь также большое влияние на средства дальнейшего ведения войны. Я спросил также, приняты ли во внимание все затруднения и опасности, которые представятся нам при отступлении всей нашей артиллерии по тесным улицам Москвы и в столь короткое время, причем неприятель будет у нас на шее. Я указал, наконец, на позор покинуть столицу, не сделав ничего для ее защиты, которую ей обещали. Я спросил, будет ли после этого общество иметь возможность верить, что мы выиграли сражение 26 августа (7 сентября) и Бородинскую битву, как это объявили печатно; не повлечет ли это сражение еще других последствий, кроме оставления Москвы, и не будем ли мы принуждены сами признать, что проиграли сражение? Какое впечатление произведет эта неудача на настроение иностранных дворов и на иностранцев вообще? Я также спросил, какое имеется основание полагать, что наша армия будет лучше организована и устроена после очищения нами Москвы; какой предел будет нашему отступлению? Я добавил, что не постигаю, почему принимается за непреложное, что в новом сражении с французами мы будем непременно разбиты и потеряем всю нашу артиллерию, получив после сражения при Бородине много подкрепления; этого преимущества французы не могли иметь. По моему же мнению, напротив того, мы остаемся теми же отважными русскими, которые дрались столько раз и с такою храбростью, что нас справедливо можно ставить в пример другим народам. Если мы и понесли значительные потери 26 авг. (7 сент.) при Бородине, то потери неприятеля также весьма значительны, как солдатами, так генералами и офицерами, следовательно, если наша армия расстроена вследствие Бородинского сражения, то и армия французская расстроена в той же мере и по той же причине.

Немного ранее совета мы получили от генерала Винценгероде известие, что Наполеон двинул уже вице-короля Итальянского с значительным отрядом на г. Рузу, чтобы приблизиться по этой дороге, ведущей в Москву, и обойти, вместе с тем, наш правый фланг. Во время же совета были доставлены неоднократно рапорты, подтвердившие это известие, а также и то, что отряд французских войск направился в обход также нашего левого фланга. Поэтому я предложил в течение ночи перевести все наши войска на правый фланг и двинуться навстречу неприятелю, ослабленному выделением означенных отрядов. При этом я высказывал, что мы, без сомнения, его опрокинем, и тогда сделанные им движения для обхода наших флангов не только останутся без последствий, но посланные для этого отряды принуждены будут в возможной скорости отступить, чтобы не оказаться отрезанными. Генерал Барклай сделал странное возражение, что наши войска недостаточно подготовлены к различным боевым перестроениям и к исполнению подобного плана и что при подобном движении мы лишимся сообщений по дорогам на Ка-лугу, Тулу, Рязань и Владимир. Нетрудно было опровергнуть эти возражения и доказать их ошибочность. Я ответил, что в такой открытой равнине, как расстилавшаяся перед нашим левым флангом, где одним взглядом можно было обнять движения различных колонн, наши движения не только не являются затруднительными, но, напротив того, очень простыми. Что же касается сообщений по указанным выше дорогам, то предлагаемое мною передвижение нашей армии совершенно их прикрывает, в чем легко убеждает нас карта военных действий, и что, на случай отступления, нам остается еще Старая и Новая Калужская дороги, по которым мы можем отступить без малейшей опасности. При том мне кажется, что коль скоро мы покинем Москву, то благо-разумная осторожность потребует занятия нами окрестностей Моск-вы с тем, чтобы, угрожая сообщениям неприятеля, принудить его, для их охранения, разделить свои силы, когда он займет город. Я возражал и на предложение Барклая направить наши силы, пройдя Москву, на Владимирскую дорогу, и, вместе с генералом Платовым, высказывал, что коль скоро уже признано необходимым совершить отступление через Москву, то предпочтительнее двинуться на Рязанскую дорогу, нежели на Владимирскую. Это предложение было, к счастью, принято, потому что более ста тысяч четвертей зерна в виде муки, хлеба и сухарей находились в Рязани, Калуге, а также по дорогам к этим горо-

дам и неизбежно достались бы в руки французов при нашем движении по Владимирской дороге, на которой не было сделано никаких распоряжений к продовольствию нашей армии. Генерал-лейтенант Коновницын старался обратить внимание совета на неудобства направить армию нашу на Владимирскую дорогу также и потому, что этим предоставлялись в распоряжение французов многие наши военные учреждения, как то, пороховой и селитренный заводы в Шостке, в Черниговской губернии, пушечно-литейный завод в Брянске, в Орловской губернии, пушечный и медный завод Демидова и пр.

Не могу не присовокупить, что мои мнения разделяли генералы: Платов, Дохтуров, Уваров, Коновницын, Ермолов, т. е. все они стояли за защиту Москвы. Генерал Дохтуров, сидя немного в отдалении от стола, за которым не могли поместиться все собравшиеся на совет генералы, показал мне рукою, что у него волосы становятся дыбом видя, что будет принято предложение покинуть Москву. Остальные из названных генералов выказывали мне также свое сожаление по этому же поводу. Мнение Барклая за очищение Москвы разделяли Раевский и Остерман; последний, между прочим, выразил, что предложение защищать Москву может быть принято, если генерал Беннигсен в состоянии нам обеспечить победу над врагом. Я ему ответил, что это слишком большое требование от отдельного лица, но что ручательство в победе должны представлять храбрость и искусство наших генералов.

Князь Кутузов, наконец, разрешил этот спор своим желанием отступить от Москвы и властью исполнить это. Заметив, что предположение покинуть Москву без выстрела было утверждено ранее, еще до военного совета, что даже не составляется протокола о различных мнениях, высказанных генералами в этом совете, и что даже не сочли нужным пригласить на этот совет генерал-губернатора Москвы графа Растопчина, которого в тот же самый день утром заверяли, что столица будет защищаема до последней крайности, — усмотрев все это, я решился покинуть совет.

Возвратившись к себе, я прежде всего записал на бумаге заключения этого совета, разорившего быть может совершенно напрасно множество семейств.

Его Императорское Высочество Герцог Виртембергский отправился после совета к князю Кутузову, чтобы высказать ему соображения относительно сдачи Москвы и о средствах защищать эту столицу. Я был приглашен также присутствовать на этом совещании. Я отправился на совещание, но оно ни к чему не привело.

В 11 часов вечера наша артиллерия начала проходить по городу, а в три часа утра двинулись наши пехотные войска. Множество всякого рода экипажей и повозок находились еще в то время в городе; отъезду их препятствовала сперва артиллерия, а потом пехота. Можно легко себе представить затруднительность движения войск на протяжении почти десяти верст, по улицам города, все обыватели которого покидали или начинали только покидать его, причем все кабаки и погреба были оставлены открытыми, или были взломаны солдатами, кучерами, прислугою, отсталыми и самым последним классом народа. Малейшее повреждение в запряжке какой-либо повозки задерживало в улице все дальнейшее движение.

Самые благоразумные и самые строгие меры оказались бы недостаточными для отвращения всякого рода беспорядков, неизбежных при подобном отступлении. Мы могли бы понести большие при этом потери, если бы не явилась нам на помощь находчивость генерала Милорадовича, командовавшего нашим арьергардом. Теснимый французами, он был принужден скоро вступить в город Москву, улицы которой были все совершенно запружены артиллериею, пехотою, экипажами, обозами, всякого рода отсталыми, пьяными, лежавшими у кабаков. В то же время, почти одновременно с нашим арьергардом, вступили в Москву, по дороге из Рузы, с одной стороны, войска, под начальством короля Неаполитанского, а с другой — войска вице-короля Итальянского. В таком критическом и затруднительном положении генерал Милорадович прибегнул к средству, отворотившему в значительной мере ту потерю, которой мы были подвержены. Он послал парламентаря к королю Неаполитанскому с предложением заключить только на несколько часов перемирие, чтобы иметь время очистить город и сдать его французам, добавив при этом, что, если король на это не согласится, то дорого заплатит за обладание Москвою, в которую он вступит по трупам, объятую пламенем. Французы, желавшие сохранить этот большой город, не зная, что найдут в нем опустелыми все дома, за исключением немногих хижин крестьян, согласились на это предложение без затруднения.

Военные действия прекратились на несколько часов, что дало время очистить город. Но, так как некоторые отряды французской кавалерии уже вступили в Москву, то и случилось, что французские кавалеристы и наши казаки действовали за одно и торопили наших отсталых и наши обозы, находившиеся в разных улицах, скорее очистить город. Вечером французы захватили, од-

нако, несколько наших солдат, экипажей и, в особенности, немало телег, нагруженных вещами. Можно себе представить, что бы случилось с армиею и какие бы мы понесли потери, при нашем отступлении, если бы генерал Милорадович своею находчивостью не отвратил всего этого.

Расстояние от нашей бывшей позиции чрез всю Москву до деревни Панки, на Рязанской дороге, составляло около 20 верст, и, конечно, должный порядок не мог быть соблюден при движении на всем этом пространстве, во всех частях армии. Войска, составлявшие последние колонны армии, могли только на другой день утром придти на занятую позицию; это побудило нас 3 (15) сентября сделать дневку. Наш арьергард, пройдя Москву, остановился в Ново-преображенском. Французы преследовали нас очень слабо. В ту же самую ночь начались пожары в Москве; мы ясно видели огонь, продолжавшийся восемь дней и более и уничтоживший постепенно большую часть этой столицы, один из величайших городов Европы. Остановить огонь не было никакой возможности, потому что, как оставшиеся в Москве обыватели, так и французские солдаты поджигали дома в различных частях этого громадного города, чтобы с большим удобством предаваться грабежу; к тому же, пожарные трубы были еще ранее вывезены из города.

Из этого видно, до чего русские решились не обращать никакого внимания на огромную потерю, понесенную казною и частными лицами при сдаче Москвы; они поспешили лишить неприятеля всех ожидаемых им выгод от обладания наиболее важным и самым богатым городом Империи, если бы ему удалось овладеть городом в том самом положении богатства и довольства, в которых он находился пред их вступлением в Россию. Какую сильную контрибуцию можно было бы взять с Москвы деньгами, всякого рода предметами, припасами и т. д. Но французы не только не нашли ничего подобного, но даже не нашли лиц, к которым могли бы обратиться по вопросу о реквизиции. Все это не воспрепятствовало, однако, тому, что французы, тем не менее, захватили большую добычу в домах этого города, служивших целые столетия складом великолепия и роскоши всей России. Движимость подобных домов невозможно было скоро вывезти. Вот одна из причин, по которой Наполеон не разрешил войскам своей армии оставаться в Москве, за исключением его гвардии, которой одной он предоставил выгоды грабить остатки великого города, с трудом разрывая из-под развалин обгорелых строений предметы более или менее ценные, случайно уцелевшие от огня.

Во многих французских прокламациях, изданных во время пребывания Наполеона в Москве, все пожары и грабежи в этом городе приписывались исключительно русским, оставшимся в городе. Но, очевидно, не русские ограбили более тысячи церквей, бывших в Москве, внутренние стены которых были покрыты драгоценными украшениями из золота и серебра, с жемчугом и драгоценными камнями; это все простиралось на сумму нескольких миллионов рублей. Известно, какое почитание и уважение имеет русский народ к церквям своим и находящимся в них образам. Поэтому не удивительно, что кощунственные поступки и неприличное поведение французов во всех русских церквях вызвали к ним со стороны русских негодование и озлобление в высшей степени, и это только увеличило бедствия французов и их союзников во время отступления их к Березине.

Князь Кутузов в своем первом рапорте к Государю о потере Москвы высказал, между прочим: «Ваше Величество, изволите согласиться, что потеря Москвы является следствием потери Смоленска». Справедливо, что после сдачи Смоленска (на эту сдачу должно смотреть, как на источник потери Москвы, но не как на необходимость) обыватели этого большого города начали вывозить свои имущества и всякое достояние как сухим путем, так и водою в более отдаленные губернии.

Генерал-губернатор Ростопчин распорядился таким же образом с богатым имуществом казны, в числе которого находились предметы драгоценные, редкие, древние, со времен первых русских царей, и т. д., хранившиеся в Кремле или древнем обиталище русских самодержцев. Многие русские вельможи, а также дворяне, не только богатые, но и обладавшие достоянием, жившие в отдаленных губерниях, имели в Москве: первые — великолепные чертоги, а остальные — приличные дома. Москва являлась местом пребывания всех по старости, недовольству или по домашним причинам удалившихся от двора, военной или гражданской службы, так что в Москве, особенно зимою, собиралось значительное число русского дворянства. Поэтому общественное мнение Москвы считалось мнением всего русского народа. Это последнее часто побуждало русских царей принимать меры к тому, что бы склонять расположение Московского дворянства и купечества, словом, населения Москвы, когда требовались усилия со стороны народа для ведения войны, в том убеждении, что пожертвования, которые сделает Москва, будут служить примером восторженного подражания для других губерний и городов Империи.

Не стану входить в рассуждения о выгоде или невыгоде, происходящей для Государей от больших в их государстве городов с таким значительным населением, как Москва; примеры времен прошедших и настоящих доставляют много материала для глубоких и любопытных рассуждений по этому вопросу. Сознавая важность Москвы, император Наполеон полагал возможным считать покорение этой столицы верным средством достижения славного и выгодного для себя мира с Россиею, мира, который один мог вывести его с того ложного пути, по которому он не только отважился со своею армиею проникнуть вглубь России в столь значительном отдалении от своих границ, но решился даже остановиться столь долгое время в этом городе. Мы же, со своей стороны, считали занятие Москвы эрою, с которой началась наша наступательная война, имевшая целью отомстить за оскорбление, нанесенное Наполеоном целой нации тем, что он вступил в пределы нашего отечества с огромною армиею, составленною из солдат всех государств материка Европы, и притом без объявления войны, как это принято между образованными народами, и нарушил покой великой страны, обыватели которой жили мирно в своих хижинах и вовсе не думали воевать с кем бы то ни было.

3 (15) сентября, после перехода нашего через Москву, генерал Ермолов, с большим вниманием на военном совете следивший за моими возражениями против сдачи Москвы и за сделанными мною предложениями, прибыл ко мне и убеждал отправиться к князю Кутузову и настаивать на том, чтобы наша армия перешла, как я предлагал уже, на Калужскую дорогу. Я ответил ему, что я и теперь стою за необходимость этого движения и готов немедленно идти к князю Кутузову и убеждать его исполнить оное.

Вместе с тем, я просил Ермолова поддерживать мои настояния пред кн. Кутузовым. Сенатор Ланской, исполнявший обязанности генерала-интенданта всех действующих армий и опасавшийся лишиться всех продовольственных запасов, направленных им на Калужскую дорогу, обратился ко мне с такою же просьбой. Он усматривал все затруднения, ему предстоявшие, при продовольствии армии в местностях, в которых он не предвидел необходимости делать запасные магазины всякого рода для армии.

Князь Кутузов тогда, наконец, решился на это движение, избавившее нас от затруднительного и критического положения, в котором мы находились после сражения при Бородине и после сдачи Москвы... Здесь, в Пахре, прибыл к нам адъютант Государя Императора, полковник Чернышев, из Петербурга, и привез

нам план военных действий, очень разумно составленный и направленный к истреблению французской армии, когда она предпримет свое отступление; это должно безусловно совершиться, если будут в точности исполнены нами все данные приказания.

Маевский С. И. Мой век, или История генерала Маевского. Написано в 1831 г. генерал-майором Сергеем Ивановичем Маевским // Русская старина. 1873. № 8

Для удержания неприятеля сделана была последняя попытка пред Москвой; но позиция избрана была в такой труппе, где армия была вся в яме, где она не имела ни простора, ни сообщений для взаимных подкреплений и где на флангах ее мог утвердиться неприятель, завладеть ее выходами и располагать Москвой по собственному произволу. Кутузову оставалось, как многие хотели: или из ложного патриотического упрямства оставаться в этой яме и дань неприятелю владеть всем плацдармом действий и Москвой; или, подобно Мелассу, отдать без боя Москву, чтобы только купить свободу и выйти из этой ямы. Может быть, последнее и исполнилось бы, ежели бы известный Фигнер не открыл направление неприятеля, угрожавшего уже стеснить нас и решить всю судьбу всей кампании. После нескольких споров решились, наконец, пожертвовать Москвой, чтобы окупить Россию. Итак, тот самый полководец, который накануне сдачи Москвы клялся Ростопчину, что он скорее погребет себя под развалинами Москвы, чем сдаст ее, был побежден обстоятельствами и спас Россию.

Оставим на минуту Москву и последние действия и скажем только о людях тогдашнего времени. Багратион был не без ошибок; но он ошибки свои выкупил множеством успехов и покорением в три месяца того, над чем предместники его трудились целыми веками.

Мне странно, что до несчастного 1812 года умы наши, в отношении к военному искусству относились в той же прогрессии, в какой находится ум бакалавра в приложении к уму Архимеда, Эйлера и других великих людей, раскрывших нам вполне тайны и законы природы. Великий Александр с начала своего царствования не был счастлив гениальными умами полководцев и, не имея образцового, увлекался к обыкновенным. Достоинство их было равно монете, на которой главное качество составляла прошедшая ценность, потерявшая от времени и свой вес и свой штемпель. К удивлению света, он получил сильную доверенность к

Прозоровскому, и сей избирал ему полководцев, а сам в одном из своих донесений писал: «Я не перехожу Дунай оттого, что я не встретил бы там ни одного неприятеля, и, следовательно, мне некого было бы поразить. Но пусть соберется вся их армия — я перейду и одним ударом разобью ее». По этому образчику мнений и действий заключит всякий, в каком диком состоянии была у нас тогда наука; а эти образчики мнений и действий были у нас тогда общей аксиомой войны.

Генерал-фельдмаршал Александр Александрович Прозоровский (1732–1809) был одним из видных людей Екатерининской эпохи. Начав службу в 1754 г., он участвовал в Семилетней войне, в Польских походах 1767–1769 гг., в Русско-турецких войнах 1768–1774 и 1806–1812 гг., был Московским главнокомандующим, Орловским и Курским генерал-губернатором. Среди множества наград имел орден Св. Георгия 2-й ст. — предмет вождения всех генералов России. Насмешка Маевского основывается на представлении о том, что уровень полководческого искусства, по мнению мемуариста (и еще очень многих военных и штатских), определяется способностью плести стратегические кружева, строить долговременные планы и, не щадя ни себя, ни подчиненных, добиваться их исполнения. В приведенном донесении Прозоровского мы видим элементарный и трезвый расчет человека, знающего и театр военных действий и характер противника. Задунайская Болгария — край для русской армии губительный по своим природно-климатическим условиям, поход в который оборачивался еще и отрывом от баз снабжения. Турки упорно оборонялись на городских стенах и в укрепленных лагерях, и потому лучшим вариантом было навязывание им генерального сражения в открытом поле, о чем собственно и писал Прозоровский.

Воспоминания Маевского — это именно тот вид мемуаров, которые имеют в виду, когда говорят о чрезвычайной субъективности исторических источников личного происхождения. Любые воспоминания — парад самолюбий, но в одних случаях читатель видит хотя бы стремление автора «сохранить равнение в рядах». Скромность мемуариста в одних случаях — проявление особенностей его характера, в других — искусный литературный прием, заставляющий поверить в достоверность представленной картины событий. Скрывая свою личность, пишущий не провоцирует читающего на размышления о том, какие страсти водили рукой, держащей перо. В случае с Маевским — все иначе. Редактор «Русской старины» во введении к публикации его записок счел нужным отметить его безудержное самолюбование: «К своеобразности сочинения „Мой век“ принадлежит какая-то гасконская хвастливость, нередко неумеренная там, где дело идет о подвигах самого автора» (Русская старина. 1873. № 8. С. 127).

Эти записки интересны тем, что, во-первых, являются произведением человека, обладавшего навыком излагать свои мысли и чувства

(а также мысли других людей) на бумаге, поскольку он много лет служил на адъютантско-канцелярских должностях. Во-вторых, эти люди, по причине постоянной близости к начальникам разного уровня, знали очень многое из того, что происходило «за кулисами» во время батальных спектаклей. В-третьих, людей типа Маевского к мемуаротворчеству, кроме прочих мотивов, подталкивало характерное для правителей канцелярий сложное чувство, в котором смешивались жгучая обида и ощущение своего превосходства над своим непосредственным начальником. У автора, занимавшего подобный пост, обида возникала по той простой причине, что «умные» бумаги и «дельные» распоряжения готовил он (или, по меньшей мере, так он полагал), а всякого рода награды за них получал тот, чья подпись под ними стояла.

В то же время напомним, что даже сам Николай I сокрушенно признавался, что империей управляет не он, а столоначальники. Здесь опять же уместно напомнить значение слова «бюрократия» — власть канцелярии. Никто с уверенностью не может сказать, насколько резолюции губернаторов, приказы главнокомандующих, даже повеления, исходящие с вершины престола, насколько все эти властные импульсы отражают собственные мысли и желания людей, которых мы знаем по учебникам, энциклопедиям и научным трудам. И никто не может определить, сколько в этих документах ума и страсти тех, кто к этим решениям подталкивал государственных мужей своими «подготовительными материалами», ловко скомпонованными данными, вовремя поданными (под настроение!), написанными любимыми словами и т. д. и т. п. Правда, существует мнение, что подчиненные принимают форму мыслей начальника, как жидкость принимает форму сосуда. Но это — не вполне осторожный «взгляд сверху» и вдобавок невольное признание того, что является содержанием, а что — не более чем оболочкой. Превращая генеральскую мысль и волю в публичную, функциональную и сохраняемую для потомков форму (бумажный документ), сотрудник его канцелярии (штаба) невольно возвышает себя в собственных глазах и глазах окружающих.

Все это мы видим в записках Маевского. Без него и Багратион — не полководец, и победа над турками в войне 1806–1812 гг. — вещь маловероятная. Ну а в том, кто руководил войсками на левом фланге в Бородинской битве, после прочтения «Моего века» сомневаться просто не приходится. Скромности у этого автора хватило лишь на то, чтобы претендовать на эту роль только после ухода со сцены командующего 2-й армией. Изнеможение от самоуважения — довольно частая хворь мемуаристов, — в данном случае проявляется в особо острой форме. Во «Вступлении» он примерил свою личность к образам Александра Великого, Юлия Цезаря, Петра Великого, Александра I и Наполеона и, судя по дальнейшим высказываниям, остался очень доволен. Даже признаваясь в том, что при Аустерлице «несколько струхнул», Маевский поторопился добавить: это испытал в своем первом бою и сам Фридрих Великий.

Маевский С. И. Мой век, или История генерала Маевского. Написано в 1831 г. генерал-майором Сергеем Ивановичем Маевским. // Русская старина. 1873. № 8. С. 143–147

Кордонная война и каре без различия довершали несовершенства и были причиной наших поражений до 1812 года. Но обратимся к Москве. Открытие Фигнера, как я уже сказал, спасло Россию от гибели. Ложные понятия о чести спасти Москву исчезли; упрямство уступило место рассудку, и из брожения его родилась мысль новая и высокая — стать на операционной линии неприятеля. Фланговый марш был следствием нашего пробуждения, или лучше, воскресением всей России.

Но то, что нас вводило в ошибки, вошло в правило Наполеона. Привыкши побеждать нас и играть нами как детьми природы, он никак не хотел еще верить, чтобы эти дети вдруг или почти волшебным перенеслись от невежества к совершенству. Не то ли бывает с отцами и учителями, когда они видят, что дети и ученики умнее их самих? Они это почти чувствуют, но никак не соглашаются на очевидные истины.

То же, что устрасало нас (оставить Москву), испугало и Наполеона. Ложные расчеты, ложное честолюбие и непроницательная самодеятельность были следствием гибели полмиллиона людей и довершили собственное его несчастье.

Я помню, когда адъютант мой Линдель привез приказ о сдаче Москвы, все умы пришли в волнение: большая часть плакала, многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного отступления, или лучше, уступления Москвы. Мой генерал Бороздин решительно почел приказ сей изменническим и не трогался с места до тех пор, пока не приехал на смену его генерал Дохтуров.

С рассветом мы были уже в Москве. Жители ее, не зная еще вполне своего бедствия, встречали нас как избавителей; но, узнавши, хлынули за нами целою Москвой! Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света на другой. Через Москву шли мы под конвоем кавалерии, которая, сгустивши цепь свою, сторожила целостность наших рядов, и первого, вышедшего из них, должна была изрубить на куски, несмотря на чин и лицо, — так боялись слить родных с родными!

Кутузов, заметивши сей хаос и желая поправить сколько можно ошибку, уступил Милорадовичу ветвь вымысла спасти армию и жителей. Милорадович был в арьергарде и, видя, что

неприятель с противной стороны, но в одно с ним время входит в Москву, решился сказать Наполеону: если он не даст ему и жителям свободного выхода, то Милорадович погребет себя под пеплом Москвы. Богатая мысль, твердая решительность и высокая душевная сила Милорадовича взвешена была с благами Москвы, которые ожидал найти Наполеон — и все это вместе спасло нас и восстановило равновесие. Но войска Наполеона вошли в Москву прежде, чем мы прошли. Польские уланы, наскочив на наших, рубили на вальтрапах их вензеля «А», говоря: «ту нима Александра, ту — Наполеон!» Едва узнал о сем Милорадович, он без конвоя и без свиты едет к цепи неприятельской, которая устроилась против его и сквозь которую тащились кортежи войск и жителей. На запрос его, где неприятельский авангардный командир, явился к нему Себастиани. После многих изъявлений дружбы, желаний и сожалений Себастиани решительно приказал исполнить в точности условия капитуляции. Но когда он сказал Милорадовичу: «Ежели завтра ваш генерал не прекратит напрасного кровопролития и не будет просить мира, тогда мы с вами сделаемся опять неприятелями, и вы будете готовы встретить меня». «Генерал, — отвечал Милорадович, — мы можем начать дело хоть сейчас: вы прикажите вашим атаковать моих, а мы оба посмотрим отсюда, как они будут драться».

После столь примерного или полубратского поступка, где с обеих сторон господствовали как будто род некоторых великодушных уступок или самоотвержения, чему до Москвы еще не было примера, армия наша на другой день исчезла из общего вида, и мы увидали ее не прежде 4-5-ти дней. Это маскированное движение, конечно, принадлежало к числу мастерских военных действий. <...>

Под Вороновым авангард наш стоял в боевой осторожности. Но к нам всякий день приводили пленных, которые шли к нам в сети, не ожидая встречи с нами на коммуникационной своей линии. Милорадович принимал их милостиво и щедро дарил на словах деньгами и всеми потребностями. <...> Мюрат командовал противоположной нам линией и мертвое наблюдал во всем молчание. В один раз вздумалось ему осматривать инкогнито нашу позицию, но известный Сысоев, заметя его, выстрелил по нем и дал промах. Мюрата оскорбило такое поведение среди перемирия, и на другой день он лично желал переговорить с Милорадовичем. Они съехались; и Милорадович между прочим заключил, что он за счастье почитает иметь такого соперника, кото-

рый сошел с трона единственно для того, чтобы сделать честь Милорадовичу, сопричисляя его к числу своих противников. Но чтобы показать и со своей стороны полное уважение, он запретил стрелять по ставке короля.

Не прошло и трех дней, как вежливый Мюрат атаковал нас всей своей массой. Положение наших позиций было самое неудобное. Это была просто демаркационная линия, обведенная глубокой и отложистой долиной. Мы стояли на оконечности высокого возвышения, к которому с правой стороны примыкал лес на необозримое пространство и густо тянулся через всю нашу позицию до главной нашей квартиры, имея в середине глубокие овраги, скрывавшие движение неприятеля. Неприятель стоял на отлогом месте. Но движение его и положение прикрывалось лесами и деревней. В лощине стояли наши драгуны и казаки. Генерал Панчулидзе, которому следовало занять противоположную сторону и открыть неприятеля, несмотря на множество приказаний, не трогался с места и не внимал никаким повелениям. Генерал Уваров, посланный разбудить Панчулидзе, прилетев назад, с азартом жаловался, что его казаки не слушают; что он раскрывал шинель, показывал ордена и уверял всех, что он генерал-адъютант; но что все сие нимало не помогло и что линия казаков осталась там же, где и была. Панчулидзе имел дар не уйти со сражения, но сделать что-либо от себя — это было выше его дарования. Милорадович, видя, что Панчулидзе ни с приказами, ни без приказов ничего не делает и не трогается, послал меня с тем, чтобы в присутствии моем совершить это движение. Я объявил ему приказание, но оное на него не подействовало. Он, указывая на оконечность линии, говорит мне: «Там в лесу пехота; она возьмет меня во фланг и все движения мои сделает тщетными». Понимая хорошо, что это — простой звук слов, я полетел к опасному месту и нашел, что на всем пространстве неприятельской линии оставлен был между двух смежных пролесков один или еще и менее батальона, который на площадке просто караулил неподвижные наши движения. Я сообщил это замечание Панчулидзе, но на него и сие нимало не подействовало. Он требовал пушек, тогда как они висели над его головой и пехоты.

Записки маркиза Пасторе о 1812 году // Русский архив. 1900. Т. 3. С. 531–533

Запасы эти были громадны; сахарные заводы, особые склады съестных припасов, запасы, заготовленные на зиму во всех частных домах, калужская мука, водка и вино изо всей страны, суконные полотняные и меховые магазины — все это обеспечивало снабжение армии, наверное, еще на шесть месяцев. Но дурное управление расточило все в одно мгновение. Генерал Дюма, главный интендант армии, был изнурен болезнью и направлял ход этой громадной машины дрожащей рукой. Алчность воспользовалась слабостью; гибельное отсутствие порядка вызвало новый грабеж, который если и был менее яростный, чем предыдущий, все же оказался не менее злополучным. Головы сахару, цибики чаю, бутылки вина выбрасывались как попало на улицу. Каждый офицер поручал своим солдатам сделать запасы для него лично; каждый генерал посылал какого-нибудь офицера грабить и на его долю. Везде вместо разумного пользования явились губительные злоупотребления, через один месяц Москву уже необходимо было нам очистить, хотя бы ради одного наступившего недостатка в припасах. Впрочем, справедливость требует упомянуть, что эти разграбленные запасы, сваленные на частные повозки, иным из нас дали возможность спасти свою жизнь при отступлении. Многие из нас у Березины были слишком счастливы, если им удавалось для поддержания своих сил сыскать кусок московского сахару и выпить хоть немного московского кофе.

Из грабежей оказался самым полезным (если дозволено будет употребить это слово) грабеж мехов. Несомненно, немало драгоценных мехов было потеряно по пути, но зато многим достались более или менее удобные шубы, спасшие им жизнь. Довольно забавное зрелище являло в нашем походе это соединение новой одежды с прежним костюмом. Там на каске кирасира была надета муфта, здесь гренадерская форма выглядывала из-под шубы с розовой подкладкой, подалее офицер заворачивал свой шитый золотом мундир в едва обделанную шкуру с мехом...

Выступление из Москвы было похоже на триумф. Со всех сторон виднелась добыча победителей; гордость, какую они ощущали, унося все, может быть, превышала самое удовольствие владеть ею. Обоз главной квартиры составлял тогда более десяти

тысяч повозок. Все это множество экипажей было исключительно взято в Москве, где в каждом доме их было по нескольку. У каждого солдата была поклажа, у каждого офицера фургон или дрожки, или телега, или коляска, или берлин, запряженный большим или меньшим количеством лошадей. В этих повозках были напиханы как попало меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра... Все предметы, награбленные солдатами, перешли в руки офицеров; взамен того деньги офицеров перешли в руки солдат. Когда позднее наша поклажа была разграблена, бедность тех, кто должен бы приказывать, и кажущееся богатство тех, кто должен был повиноваться, способствовали не в малой степени возникновению беспорядка в армии и ослаблению дисциплины.

*Из письма Петра Еремеева А. А. Аракчееву
от 2 сентября 1812 года*

Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 67

Матушка Елизавета Андреевна (Аракчеева) крайне была растревожена сбором к выезду тетушки Настасьи Никитишны по слухам о неприятеле, приближающемся к Твери. Я у ней был третьего дня, и ей простительно, она не первая, а вообще вся та сторона, дворяне, а более дамы, большая половина выехали кто куда нашел способнее, а другие готовы к выезду. Это влияние сделалось от Твери, из которой множество выехало, не исключая и лучшего купечества, даже и губернатор вывез все свое имущество в Бежецкий уезд, в село Зиновьево к Николаю Ивановичу Куминову, а для себя приказал изготовить дом в Бежецке.

Посудите, батюшка, что было думать в таком случае частным людям. Бежецк набит приезжающими из Смоленска, Вязьмы, со Гжатской пристани и тверскими. Проходу мало людям, и все готовы скакать по первому испугу...

Роберт Томас Вильсон. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 150–152, 154

Беннигсен, чья опытность в военных советах и боевых действиях приносила величайшую пользу, когда ему это было позволено, находясь в Можайске, с горячностью побуждал Кутузова «не отступать к Москве, но идти главными силами на Калугу, где армия сможет занять наивыгоднейшую позицию для помешательства движению неприятеля к Москве и приведения его к всеконечному поражению». Он настаивал на том, что в таком случае наступление французов на Москву непременно задержится, а может быть, и вообще будет предотвращено; что сия задержка необходимо нужна для прибытия подкреплений и устройства оборонительных рубежей у самой Москвы, каковые могут явиться грозной, а быть может, и непреодолимой преградой, имея гарнизон, усиленный ополчением и вооруженным народом, одушевление коего способно к самому отчаянному сопротивлению; что никакая другая диспозиция и никакие другие меры не спасут Москву; что предлагаемый им план не подвергает армию никаким опасностям, но позволяет беспрепятственно доставлять ожидаемые подкрепления и припасы, обеспечивая в то же время защиту Тулы, крупнейшего во всей империи производителя ручного оружия.

Отвержение сего плана, нарочито приспособленного к обстоятельствам и без малейших последствий исполнимого, привело к страшному национальному бедствию, какое легко было избежать. Наполеон не имел необходимых сил и для действия против расположенной сим образом русской армии и для штурма и для осады Москвы, на защиту которой могли выставить восемьдесят тысяч человек, в числе коих достаточно было и половины обученных солдат при многочисленной артиллерии. К тому же силы каждодневно увеличивались бы подкреплениями из соседних губерний.

Кутузов объявил Беннигсену и другим генералам, что намеревается идти к Москве, дабы защитить сей город и отдавать его неприятелю отнюдь не собирается. Ему удалось убедить губернатора Москвы Ростопчина в искренности своих заверений.

Ростопчин же заявил, что твердо решился, «ежели армия не будет защищать столицу, собрать все власти и всех жителей, дабы

велеть оным сжечь город». По его убеждению «жертва сия, побуждаемая любовью к отечеству, будет непоколебимо принесена».

В качестве залога беспрепятственного выполнения такового плана он вытребовал у Кутузова торжественное обещание, что ежели случится какая-либо перемена в решении защищать город, ему будет дано знать о том за три полных дня.

Во время отступления Кутузова к Москве дядя Императора, принц Александр Вюртембергский, представил ему письменное предложение обратиться к наступательным действиям. Хотя Кутузов уже принял решение избегать генеральной баталии, однако, обязавшись собственными своими заявлениями и обещаниями и понуждаемый ропотом жителей Москвы, равно как и требованиями своих солдат и офицеров оправдать порожденные им же надежды, он решил собрать 13 числа в Филях военный совет...

Барклай говорил в пользу отступления на Нижний Новгород; Коновницын — за наступление против неприятеля, пока не соединились все три его колонны; Остерман и Ермолов склонялись к тому же мнению; генерал-квартирмейстер Толь предложил занять позицию перед Москвой слева между Воробьевым и Вороновым, поелику в армии оставалось еще шестьдесят пять тысяч старых солдат, и вся она, считая и шесть тысяч казаков, составляла девяносто тысяч и могла быть значительно усилена пополнениями из местных жителей.

Беннигсен и Дохтуров согласились с генерал-квартирмейстером, что оборона Москвы есть воинский и патриотический долг, но отдали предпочтение позиции у Филей.

Однако возобладало мнение Кутузова, и было решено, что перед Москвой нет подходящей позиции, где можно укрепиться и защищать столицу, а сама местность, представляющая наклонную к городу долину, дает неприятелю больше преимущество для преследования отступающей армии в случае прорыва оборонительного лагеря. Кроме того, почти все состоятельные жители уже покинули Москву, самое ценное имущество или вывезено, или уничтожено; русская же армия после второго сражения у Москвы может оказаться столь ослабленной, что не будет в силах восстановить наступательные действия вкуче с находящимися на марше и маневрирующими на тыловых и фланговых путях сообщения неприятеля корпусами. Успех сих действий зависит от поддержки главной русской армии. К тому же непри-

атель принужден будет ослабить свои силы для занятия Москвы, в то время как русская армия станет день ото дня укрепляться. Наконец, не следует забывать, что «борьба идет за сохранение Российской империи, а не за какой-то один город, хотя бы даже за саму столицу». В соответствии с приказом к отступлению были сделаны все потребные распоряжения, насколько сие позволяла недостаточность времени...

Траурным маршем проследовало через заставы 180 тысяч душ на шестидесяти пяти тысячах всевозможных повозок, не считая артиллерии и армейских лазаретов. Полковник гарнизонного батальона, приказавший оркестру играть в знак того, что войска выходят с «воинскими почестями», едва не был растерзан разъяренной толпой.

Многие тысячи раненых и больных, не имея возможности покинуть госпитали, принуждены были разделить судьбу города.

Сие зрелище оставления великой столицы более доступно воображению, нежели описанию. Впрочем, у русских еще настолько сохранялись кочевые обычаи, что они собрали свои пожитки куда быстрее, чем это могли бы сделать обитатели любого другого европейского города. Да и саму армию с первого дня ее отступления от Смоленска сопровождал целый кочевой народ... Наполеон принял все меры предосторожности против не только внезапного нападения, но и грабежей, каковые могли ожесточить жителей, но последнее было бесполезно, хотя он и не ввел в город ни одного корпуса. Терпевших столь долгие лишения солдат невозможно было удержать, и под покровом ночи, вопреки угрозам и наказаниям, в городе начались всякие бесчинства. С наступлением темноты в нескольких кварталах вспыхнули пожары. Почти одновременно запылали десять тысяч лавок на рынке, казенные магазины фуража, вина (тринадцать миллионов кварт), водки, воинских припасов и пороха.

Никаких средств тушения не нашлось — ни пожарных экипажей, ни даже ведер для воды. По приказу Ростопчина все было уничтожено или увезено. Однако Наполеон еще тешил себя мыслью, что пожары возникли случайно или из-за нарушения дисциплины. Он даже не подозревал о систематических поджогах, задуманных с отчаянной смелостью и исполненных с небывалой в истории неустрашимой отвагой.

Добрынин К. И. Памятный год. (1812). М., 1912. С. 105, 153

30-го августа армия снялась с лагеря при Крутице и пошла к с. Вязьме (Вяземе). На следующий день она продолжала двигаться по направлению к Москве; все были убеждены, что сражение еще раз должно произойти, да и сам Кутузов, на всем пути от Бородина до последней стоянки под Москвой (Мамоново), не переставал думать о том, что следует дать сражение. Это видно из всех приказов по армии и писем Кутузова к Растопчину. <...>

Кн. Кутузов со своей стороны, узнав о невозможности спасти от неприятеля барки с припасами, так как шедшие впереди барки с артиллерийскими снарядами сели на мель и загородили дорогу другим судам, приказал сжечь эти барки и затопить их. От пожара загорелись барки со снарядами и начались страшные взрывы, от которых, в свою очередь, загорелись соседние дома.

Таковы были причины первых пожаров. Беспорядок, установившийся в Москве с занятием ее французами, был причиной новых пожаров. С первой же ночи толпы французов пустились на грабеж, так как это было им разрешено. Несомненно, к этим иноземным грабителям присоединились бродяги из русских, оставшихся в Москве. И свои и чужие ходили со свечами и факелами, с зажженной лучиной по дворам и чердакам оставленных домов, раскладывали на дворах большие костры для приготовления пищи и чтобы погреться, а может быть, даже поджигали умышленно дома, чтобы в поднявшейся суматохе грабить совершенно безнаказанно.

Сверх этого, не подлежит сомнению, что весьма многие пожары произошли не по чьему-либо приказанию, но по патриотическому чувству русских, по врожденной им склонности — скорее уничтожить, чем уступить врагу.

Комментарии

В работах советского периода по истории Отечественной войны 1812 года заметен акцент на том, что Кутузов после своего назначения особое внимание обратил на пополнение армии, имея в виду новые пехотные и кавалерийские полки (регулярные), а также ополчения. Эта тема занимала его постоянно. В письме Ростопчину от 26 августа говорится: «Сего дня было весьма жаркое и кровопролитное сражение... Завтра надеюсь я с новыми силами с ним сразиться. От вашего сиятельства зависит доставить мне из войск, под начальством вашим состоящих, столько, сколько можно будет» (М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 151). В письме, отправленном Московскому главнокомандующему с полковником Кудашевым тема резервов поднимается с еще большей остротой: «После кровопролитнейшего сражения, вчерашнего числа происходившего, в котором войска наши потерпели естественно важную потерю, сообразную их мужеству, намерение мое, хотя баталия совершенно выиграна, для нанесения сильного прочувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько только можно получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву против, конечно, уже несколько пораженных сил его. Помощи, которые требую я, различные, и потому отправляю я полковника Кудашева оные Вашему сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что может дать Москва в рассуждении войск, прибавка артиллерии, снарядов и лошадей и прочего, имеемого ждать от верных сынов отечества, все то было приобщено к армии, ожидающей сразиться с неприятелем» (Там же. С. 158–159).

Разумеется, появление солидных подкреплений могло оказать большое влияние на ситуацию. Но при чтении подобных посланий zakрадывается подозрение, что российский главнокомандующий готовил тем самым ответ всем, кто готовился обвинить его в оставлении Москвы. Подозрения эти основываются на следующих соображениях: во-первых, у него были и возможности, и время для того, чтобы узнать о

реальном положении дел с подготовкой резервов в ближнем и дальнем тылу. Во-вторых, Кутузов был не восторженным юношей, в порыве патриотизма опоясавшим себя дедовской саблей и уверенным в том, что его порыв уравнивает опыт неприятельских ветеранов. Он знал истинную ценность необученных и необстрелянных милиций. Если он не был уверен, что сумеет повернуть вспять наступающего противника с помощью солдат и офицеров, уже прошедших суровую школу боев и походов, то у него не было никакой надежды на то, что это смогут сделать наскоро обученные рекруты и совсем не обученные бородачи-ратники.

Еще одним важным превентивным действием, направленным на собственную реабилитацию, следует признать активные попытки Кутузова продвинуть 3-ю и Дунайскую армии в район действия основных сил. С точки зрения стратегии это был бесспорно правильный ход. Значительные по численности и боевому опыту воинские соединения оказались фактически выключенными из операций, определявших исход войны. Продвижение их в северном направлении создавало страшную угрозу главным силам Наполеона. Однако состояние коммуникаций того времени позволяло войскам Тормасова и Чичагова появиться на главном театре боевых действий только осенью. Не помогли бы даже знаменитые «суворовские» марши. В работах «прокутузовских» явно прослеживается готовность принимать послания Кутузова за абсолютно чистую монету: «Не получив резервов, не добившись поворота 3-й и Дунайской армий на главное направление, главнокомандующий принял единственно правильное в той обстановке решение: отступить, чтобы сохранить армию, собраться с силами, а затем перейти в контрнаступление и разгромить захватчиков» (Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1974. С. 171). В советской историографии наметилось стремление возложить вину за все неудачи на правительство и тех государственных деятелей, которых в 1920–1970-е гг. однозначно причисляли к «реакционерам». В наиболее четком варианте эта схема представлена в трудах П. А. Жилина: «Чем ближе подходила армия к Москве, тем более очевидным становилось, что царское правительство и его Военное министерство не только не справились с сосредоточением необходимых вооруженных сил для защиты Москвы, но и всячески тормозили развертывание и комплектование новых формирований рекрутов и народного ополчения, опасаясь превращения войны в народную. На все требования Кутузова и его штаба о посылке резервов следовали отрицательные ответы со стороны Александра I и Растопчина... Был ли выход из этого трудного положения? Для этого необходимо было открыть московский арсенал, вооружить патриотов. Однако Ф. В. Растопчин, как представитель реакционных кругов дворянства, предпочел оставить противнику десятки тысяч ружей, более сотни орудий, боеприпасы, чем вооружить ими народ... И, безусловно, правы те историки, которые утверждают, что непосредственными виновниками срыва плана Кутузова и

сдачи Москвы были прежде всего Александр I, его окружение, Растропчин».

Вопрос об оставлении Москвы теснейшим образом увязывался с оценкой итогов Бородинского сражения. Одним из свидетельств в пользу того, что французам не удалось в нем одержать победу, по мнению отечественных авторов (дореволюционных, советских и постсоветских), явился спокойный отход русских войск с бородинских позиций. При этом делается ссылка на мнение «противной стороны», но подвергается критике любое высказывание, умаляющее качества русской армии. Пример тому — слова французского генерала Пеле: «отступление, замечательное по господствовавшему в нем порядку, облегчалось чрезмерной шириной Большой Московской дороги, по которой шло рядом несколько колонн» (ЧОИДР. Кн. 1. М., 1872. С. 88–89). «Разумеется, не одной шириной дороги определялся порядок при отходе русской армии. Наполеон после поражения под Ватерлоо в 1815 г. имел прекрасные шоссе в различных направлениях и все же не смог отвести свою армию в порядке. Русская армия отходила в образцовом порядке потому, что под Бородином она не была побеждена, отход ее совершался преднамеренно, без всякого давления со стороны противника» (Жилин П. А. Указ. соч. С. 174).

При выдвигании обвинений в адрес французов, которые якобы подожгли Москву, одним из важнейших свидетельств являются слова Кутузова, сказанные им графу Лористону в Тарутино: «Что же касается до московского пожара, я стар, опытен, пользуюсь доверенностью русского народа и поэтому знаю, что в каждый день и час происходит в Москве. Я сам приказал сжечь магазины; но по прибытии французов русские сами истребили только каретные ряды, которыми вы овладели, и начали делить между собой кареты. Жители причинили очень мало пожаров. Вы рушили столицу по своей методе: определили для пожара дни и назначили части города, которые надлежало зажигать в известные часы. Я имею подробное известие обо всем. Доказательством, что не жители разрушили Москву, служит то, что разбивали пушками дома и другие здания, которые были слишком крепки, стреляя в них посреди огня. Будьте уверены, что мы постараемся вам заплатить» (Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. 3. СПб., 1813. С. 108).

Примечательно, что протокол встречи никто не вел, а данная тирада известна только из мемуаров. Еще более примечательно, что при обвинительных вариантах обходится вниманием фактическое признание Кутузовым того, что по его приказу было создано несколько очагов пожаров (поджог магазинов), и признание участия москвичей в подобных действиях.

В историографии и в популярной литературе мотивы отступления после Бородино сводятся в основном к желанию Кутузова сохранить

армию. Но можно предположить (документальных свидетельств не обнаружено), что Кутузов мог сдать Москву, хорошо представляя себе, что в условиях захваченного богатого города моральное разложение армии может достичь невообразимых размеров. Главнокомандующий на своем долгом боевом пути неоднократно видел, что творилось на улицах захваченных турецких крепостей. Но Москва — не Измаил, и деморализующее воздействие на армию должно было превзойти все мыслимые пределы. Вход армии Наполеона в Москву можно сравнить с поселением в чумном бараке.

О растерянности правительства говорит и слог, и содержание «запроса» комитета министров, члены которого, казалось, не верили тому, о чем они сами писали: «Комитет гг. министров в заседании 10 сентября 1812 года имел рассуждение, что донесения генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутуова как от 29 прошедшего августа, так и последнее, комитету сообщенное, из коих первым предваряет он об отступлении армии из позиции под Бородином, а вторым извещает о неожиданном допущении неприятеля в Москву без всякого сопротивления, не представляет той определенности и полного изображения причин, кои в делах столь величайшей важности необходимы, и что сие поставляет правительство в невозможность основать свои заключения. Комитет полагает предписать главнокомандующему армиями, дабы, во-первых, доставил сюда протокол того совета, в коем положено было оставить Москву без всякой защиты, а во-вторых, чтобы на будущее время всегда присылал он полные о всех мерах и действиях своих сведения» (М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. С. 274–275). Александр I боялся за Петербург. Он писал Кутузову: «На вашей ответственности останется, если неприятель будет в состоянии отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столице, в которой не могло остаться много войска, ибо с вверенной Вам армией, действуя с решимостью и деятельностью, Вы имеете все средства отвратить сие новое несчастье; вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы» (Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 198).

При оценке реакции русского общества на пожар Москвы, на сдачу города французам без боя следует помнить, что отношение к этому событию менялось в соответствии с изменением представлений о происходящем. Если сначала это воспринималось как следствие военного поражения, как величайшее несчастье, то затем все более и более усиливалось мнение о пожаре как об искупительной жертве. Здесь никак нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что тем самым в число избавителей включались те, чье имущество пропало в сожженном и разграбленном городе. Здесь чрезвычайно важным является то, что Москва как бы ставилась в пример.

Есть основания предполагать, что Кутузов, хорошо знакомый с Ростопчиным, до последней минуты держал его в неведении потому, что

опасался, как бы «сумасшедший Федька», как звала московского главнокомандующего Екатерина II, действительно не запалил город с четырех концов до того, как он станет щитом между русской и французской армией. При рассуждениях о рациональности прикрытия Калуги от неприятеля следует помнить, что в Москве запасы были примерно равные. Если бы сражение за Москву приняло бы характер уличных боев, деревянный город неизбежно бы погиб в пожаре. История Смоленска — прямое тому доказательство.